ИЗЪ ЛѢТНИХЪ СКИТАНІЙ.

(Путевыя замѣтки).

I.

Лѣтнія мечты кореннаго питерца. — Выѣздъ. — Нева и Шлиссельбургъ. — Историческія воспоминанія. — Ладожское озеро и путь по маякамъ. — Красивая и живая рѣка. — Ночныя и утреннія картины по Свири. — Торговое село Вознесенье и Онего до Петрозаводска.

Наконецъ ударилъ роковой часъ, насталъ блаженный день свободы!...

Впрочемъ, этакъ постороннему человѣку, пожалуй, покажется, что я былъ въ плѣну у какихъ нибудь коканцевъ, или, по крайней мѣрѣ, находился подъ порядочнымъ арестомъ,—до того громкая фраза яписалась въ началѣ. А на самомъ-то дѣлѣ исторія не только не столь громкая, а даже совершенно не громка. Просто-на-просто, настало лѣто. Но лѣто не совсѣмъ для всѣхъ обыкновенное, а извѣстное и понятное только однимъ петербуржцамъ, т. е. питерское, очень не хорошее лѣто.... Точила и ѣла осень; душила зима; заморозила весна (это само собой исключеніе, но все-таки въ одну кучу); наконецъ смиловалась и разогрѣла. Настало благораствореніе воздуховъ и плодовъ земныхъ. Блаженные люди сейчасъ же въ деревню, или хоть на дачу — поближе къ зелени, къ водѣ, къ природѣ, хоть и переломанной, но все-таки природѣ, къ нѣкоторой простотѣ и отдыху. Все же тамъ цвѣточки что-ли, тѣнистая прохлада, газонъ этакой, пожалуй, даже соловей, луна, гондола разная; ну, словомъ, какъ никакъ, а людямъ хорошо, пріятно... А тутъ сиди, корпи. Кругомъ пылища, раскаленный камень, смрадъ, всѣ ямины разрыли, всѣ трубы вынули, всѣ мостовыя подняли, весь городъ раскрылъ свою утробу. Дыши чѣмъ хочешь, ходи какъ знаешь. И все это тогда, когда навѣрное извѣстно, что благораствореніе и проч.

Эти весеннія и лѣтнія страданія понятны только коренному петербуржцу, котораго судьба держитъ на привязи и заставляетъ корпѣть.... Я имѣлъ несчастіе принадлежать и заниматься кореннымъ корпѣньемъ.

Какъ всегда, въ заточеніи — мечты. И я мечталъ. Меня ужь невозможно было подкупить какой бы то ни было форменной дачей, съ мощеной и фонарной улицей, съ будочниками, извощиками, лавочкой, резедой и проч. Давай мнѣ дичь и глушь. Я помирюсь, только прижав-

шись къ широкой и могучей груди самой косматой, неподдѣльной матери-природы....

Съ этого и пошло. Томился, томился, мечталъ, мечталъ.... и вдругъ конецъ, свободенъ, лети хоть къ полюсу!

Я и рѣшилъ, что къ полюсу. Не къ самому полюсу, а поближе только къ нему. Рѣшилъ, сообразилъ капиталами и временемъ, поѣхалъ, повидалъ — и теперь одинъ вопросъ: съ чего начать?

И это въ самомъ дѣлѣ вопросъ, а не поддѣлка только подъ пріемъ ходячаго фельетониста. Дѣло въ томъ, что былъ я въ петроваводскихъ краяхъ, т. е. какъ разъ въ такомъ углу, гдѣ собственно военнаго чего нибудь чрезвычайно не богато. По военной части край этотъ самый, кажется, смирный. Хотя тамъ и находятся войска, но духъ ихъ очень скромно царитъ лишь надъ нѣсколькими мирными палатками на мирномъ берегу Онежскаго озера. Да, наконецъ, и самъ я не имѣлъ въ душѣ никакихъ задатковъ спеціальнаго характера. Мнѣ даже нравилось уйти въ этотъ глухой уголъ, гдѣ скорѣе встрѣтишь, пожалуй, нечесаиваго медвѣдя, чѣмъ натолкнешься на ратную потѣху.

Такъ что въ результатѣ — мирная поѣздка въ мирный сѣверный край.

Итакъ, съ чего же начать?... Начать ли съ профиля задумчивой барышни, стоявшей на палубѣ при отходѣ парохода, или съ массивной фигуры капитана, расхаживавшаго на рубкѣ? Описывать ли картину пестрой толпы на пристани, послѣдній, шумный говоръ, крики матросовъ, чоканья за буфетомъ и т. п.? Всякому знакомы эти картины. Каждый уѣзжавшій наблюдалъ, конечно, минуту, когда тяжелымъ полакомъ отчаливаетъ пароходъ отъ берега; эти два лагеря: оставшихся на сушѣ—неподвижныхъ, грустныхъ и завидующихъ людей, и тѣхъ, которые уже начали движеніе, уже чувствуютъ свой ходъ, и съ какимъ-то внутреннимъ довольствомъ смотрятъ на берегъ, на мелькающіе передъ ними предметы.

Колесныя перья парохода бьютъ шибче и шибче, шумъ и дрожаніе становятся уже привычной обстановкой ѣзды. Всѣ на палубѣ или на рубкѣ третьяго класа. «Царь» уже втянулся въ рѣку и пасажирамъ остается любоваться красавицей Невой.

Кончились ряды баржъ и всевозможныхъ судовъ, вытянутыхъ по обѣ стороны рѣки и оставившихъ только средину для проѣзда. Кончились сплошныя строенія, какъ непосредственное продолженіе города. Остались назади фабрики и заводы. Рѣка очистилась. Вдоль обоихъ береговъ потянулись ленты зелени: сады, рощи, лѣсочки. Красивенькія дачи картинно разсыпались по самому берегу, на половину закутавшись

въ густую листву богатыхъ садовъ. Тамъ и сямъ мелькаютъ фигуры дачниковъ. Трое мужчинъ въ лѣтнихъ шляпахъ и блузахъ валяются на травѣ пологаго ската; дѣти неумѣло возятся съ удочками у самой воды; въ высокой бесѣдкѣ кучка молодыхъ женщинъ въ свѣтленькихъ платьицахъ машетъ платками нашему толстому капитану. Неотступно слѣдуя за пароходомъ, катится двойная волна вдоль обоихъ береговъ и шумно вскидывается на песокъ, плещетъ въ обрывъ, глубоко раскачиваетъ ѣдущую ходку, заставляя своимъ набѣгомъ улыбаться всѣхъ, кто возлѣ: и купающихся мальчишекъ, и бабу съ бѣльемъ, и сидящихъ въ ходкѣ. Кажется, что всѣ почему-то рады большому пароходу, оживлены его проѣздомъ.

А пароходъ бѣжитъ и бѣжитъ. Вотъ и Ижора. Сейчасъ за ней весь скатъ берега покрытъ солдатами. Изъ воды торчатъ головы, загорѣлыя шеи и бѣлыя плечи. Нѣсколько отдѣльно отъ другихъ двое щегольски выдающихся чистотой своего бѣлья воиновъ усердствуютъ въ «печеніи блиновъ» камнями,—видимо недавно еще спознали солдатское житье и сильно скучаютъ послѣ рѣзкаго перехода изъ подъ маменькинаго крылышка подъ солдатскую палатку....

Однако, первыя впечатлѣнія уже стали укладываться. Любопытные городскіе глаза до извѣстной степени удовлетворились разнообразіемъ окружающаго, и публика начала сбывать съ рубки и съ палубы и сосредоточиваться около столовъ съ чаемъ и закусками, какъ бы выражая тѣмъ, что она затѣяла не прогулку съ катаньемъ, а солидную поѣздку.

Такъ солидно и доѣхали до Шлиссельбурга. Взглянувъ разъ на берегъ, гдѣ возлѣ самой пристани стоятъ часовня и не совсѣмъ еще отдѣланная клѣтка (изъ мелкой проволочной сѣтки) съ однимъ изъ историческихъ ботиковъ, да глядитъ зеленой дверью единственная лавочка съ засохлыми баранками, долго не можешь сообразить, гдѣ же тутъ этотъ «бургъ», и гдѣ помѣщаются его 8,000 жителей, до того онъ весь какъ-то спрятанъ, прижатъ къ совершенно ровной, плоской мѣстности. Очевидно, и такъ-то невзрачному городку достается еще и оттого, что на него приходится смотрѣть питерскимъ глазомъ, нѣсколько часовъ тому назадъ видѣвшимъ только шестиэтажные размѣры столицы.

Каналъ, выходящій у самаго города, почти не замѣтенъ, рядомъ съ широкой Невой, до того онъ выглядитъ канавкой и до того мало какихъ либо отличающихъ его сооруженій. Едва замѣтная коса изъ крупнаго булыжника тонкой ленточкой врѣзывается въ рѣку, отдѣляя каналъ отъ входа въ озеро. Какъ слышно, есть жалобы на его мелководіе, что сильно парализуетъ его серьезное значеніе, какъ вполнѣ безопаснаго торговаго пути, рядомъ съ бурнымъ Ладожскимъ озеромъ.

Вотъ и знаменитый «Шлисъ», крошечная, древняя крѣпостца на крошечномъ островкѣ. Каменная бѣлая стѣна, съ бойницами и съ башнями, голая полоска земли вокругъ и группы работающихъ что-то арестантовъ въ сѣрыхъ шапкахъ и бѣлыхъ курткахъ,—вотъ все, что изображаетъ собой историческій «ключъ», долженствовавшій отпирать и запирать ворота Невы для дорогаго и любимаго флота Петра. Почти шесть столѣтій стоитъ этотъ крошечный островокъ, на которомъ новгородцы построили «Орѣшекъ», чтобы запереть ходъ съ Невы въ Ладожское озеро и обезпечить спокойствіе и свободу своему знаменитому Волхову. Долго стоялъ Орѣховъ, переходилъ измѣной къ шведамъ (1348 г.); снова сдѣлался русскимъ, и изъ деревяннаго передѣланъ въ каменный; но въ 1611 г. опять измѣна сдала его Делагарди, и русское имя совсѣмъ забылось подъ новымъ шведскимъ—Нотебургъ. Только черезъ сто лѣтъ, въ 1702 г., вспомнилъ объ этомъ имени Петръ, когда, увѣдомляя письмомъ Виніуса о взятіи Нотебурга, писалъ ему:

«Правда, что зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ; однакоже, слава Богу, счастливо разгрызенъ. Артилерія наша зѣло чудесно дѣло свое исправила».

И въ самомъ дѣлѣ, жестокъ былъ «орѣхъ»: полторы недѣли пришлось вести его осаду и бомбардировать съ такой неотступностью, что уже на седьмой день у многихъ изъ пушекъ до того выгорѣли запалы, что затруднялась пальба. Сколько разъ были отбиты охотники, отбиты подошедшія за ними войска. Одинъ только Сененовскій полкъ, командиромъ котораго былъ герой штурма, князь Михаилъ Голицынъ (1), потерялъ 114 человѣкъ убитыми и 198 ранеными. И только на двѣнадцатый день, послѣ страшнаго тридцатичасоваго боя, на крѣпости выкинутъ былъ флагъ сдачи. На третій день, когда шведы выступили изъ крѣпости съ оружіемъ, четырьмя пушками (остальныя сданы побѣдителямъ), знаменами и съ пулями во рту (согласно пунктамъ «акорда», подписаннаго Петромъ), новгородскій «Орѣшекъ» и шведскій «Нотебургъ» былъ передѣланъ, по желанію Петра, въ «Шлисельбургъ», послужившій затѣмъ дѣйствительно «ключомъ» къ Финскому заливу.

Пять минутъ ходу въ узкихъ отпертыхъ теперь воротахъ Невы, по лѣвую сторону «ключа», и передъ вами огромнѣйшее изъ озеръ, первое изъ сотенъ, разсыпанныхъ по озерной странѣ нашего лѣснаго сѣвера, и почти равное по величинѣ цѣлому Виртембергскому королевству.

(1) Едва ли справедливъ разсказъ, помѣщенный въ запискахъ барона Е. Розена („От. Зап." 1876 г.), о подвигѣ Голицына подъ Шлисельбургомъ, что онъ, ставъ на плечи солдата, первый вошелъ на стѣну и взялъ крѣпость. Вѣрно то, что Голицынъ не послушался Петрова приказа — отступить, и, велѣвъ оттолкнуть отъ берега свободныя суда, продолжалъ штурмъ, чѣмъ и довелъ гарнизонъ до полной невозможности держаться долѣе.

На мелководномъ рейдѣ въ пять, шесть футовъ глубины стоятъ мачтовыя суда, разсыпавы бѣлые бакены и вѣхи. Налѣво, на берегу, первый маякъ. Направо, едва замѣтная полоска берега. Прямо и влѣво — вода и небо. На озерѣ совсѣмъ тихо. Огромныя стада дикихъ утокъ перелетаютъ по мелководью и вводятъ въ задоръ охотничьи глаза. Капитанъ то и дѣло поглядываетъ въ бинокль на дальніе маяки, указывающіе путь въ продолженіе всего хода черезъ озеро. Какъ мнѣ разсказывали, разстановка маяковъ сдѣлана такимъ образомъ, что пароходъ долженъ держать такъ, чтобы два ближайшихъ передъ нимъ маяка совпали, т. е. расположились съ пароходомъ по одной линіи, которая и будетъ для него направленіе его пути. Пройдя первый маякъ, онъ опять идетъ до тѣхъ поръ, пока второй и третій маяки не совмѣстятся въ одинъ; тогда пароходъ дѣлаетъ поворотъ и держится новой линіи до слѣдующаго совпаденія третьяго и четвертаго маяка и т. д. На сколько удобенъ практически такой способъ ѣзды въ непогоду и туманы — не знаю. Но жить на маякѣ не согласился бы. Надо имѣть совершенно своеобразный закалъ, чтобы умѣть по недѣли, по двѣ просиживать на грудѣ камней, вокругъ которыхъ или безмолвно, не колеблясь, стоитъ безбрежная масса воды, или бьется кругомъ, реветъ и бушуетъ, разбиваясь у подножія деревянной вышки, къ которой прилѣпилась, точно съ испугу, избушка.

Вся жизнь этого камня только въ часы разговоровъ съ волнами. Вся жизнь вышки—въ ея огненномъ глазу, смотрящемъ по ночамъ все въ тѣ же волны. Вся жизнь избушки—въ часы поѣздки за хлѣбомъ и провизіей въ недѣлю разъ, а иногда и въ двѣ недѣли. Все вмѣстѣ—столпъ и заточеніе на этомъ столпѣ, полное отреченіе отъ міра, который только время отъ времени появляется по близости въ образѣ парохода или паруснаго судна, совершенно безучастныхъ къ тому, что въ указывающихъ имъ путь несуравныхъ столпахъ есть человѣческія души...

Наконецъ, кончилось тоскливое озеро съ его столбами. Мы вступили въ Свирь.

Ширина 200—300 саженъ. Глубина 10—35 футовъ. Свободна ото льда 209 дней. Судоходна 201 версту. Вотъ тѣ сухія цифровыя данныя о рѣкѣ, которую предстояло намъ пройти.

Но о ней стóитъ сказать нѣсколько болѣе.

Эти 201 верста, между двумя великими озерами, положительно лучшая часть всего пути отъ Петербурга до Петрозаводска. Свирь одна изъ прекраснѣйшихъ рѣкъ, которыя только доводилось мнѣ видѣть.

Сплошной, громадный лѣсъ. Среди его затѣйливо вьется и крутится чудная рѣчка: быстрая, глубокая, чистая и свѣжая, какъ само Онеж.

ское озеро, изъ котораго она взялась. Невысокіе берега, часто превращающіеся въ низины, забраны до самой воды росвошвой зеленью, разнообразнѣйшихъ оттѣнковъ и рисунка. Сосна, увѣшанная клочкастымъ мохомъ, съ взъерошенной иголкой, забрала сѣроватымъ тономъ берегъ. На ней словно рѣзцомъ очерченъ темный, густой и свѣжій ельникъ. Рядомъ веселый мелкій листъ березки и рябь дрожащаго осинника. У берега нависла надъ водой верба. Чудной, изумрудно-сочной зеленью протянулся коверъ поемнаго луга. Чѣмъ дальше вверхъ по рѣкѣ, тѣмъ затѣйливѣе и разнообразнѣе становится и сама Свирь, и ея зеленыя рамки. Берега раздвигаются, давая больше простору живой рѣчкѣ, которая, какъ балованное дитятко, играетъ и рѣзвится на глазахъ оберегающихъ ее лѣсовъ-заступниковъ: крутитъ и пучится на крутомъ порогѣ, дѣлится на рукава, забѣгаетъ въ тихую оäводь, разливается въ широкую болотину. И для потѣхи баловня стоитъ веселый островокъ съ миніатюрнымъ лѣскомъ; почти какъ въ зеркалѣ отражаетъ въ себѣ береговыя декораціи смирный, заманчивый для рыболова заливъ, упершійся въ густой высокій боръ; десятки мелкихъ поросшихъ одной травой островковъ, полусухихъ, полуболотистыхъ, вытягиваются линіями сбоку; за ними цѣлыя луговины осоки и кучи, въ которой зорко шныряютъ утиные выводки и разноперые холостяки утинаго княжества; роскошный, богатѣйшій заливной лугъ идетъ далеко широкой косой въ молодой бѣлоствольчатый березнячокъ, стоящій на границѣ моховаго болота съ рѣдкой молоденькой же сосенкой. Новый крутой и самый неожиданный изгибъ балованной рѣчки—и снова острова съ лѣсками, и такъ безъ конца, верста за верстой, по прежнему все тѣмъ же сплошнымъ красивымъ лѣсомъ. Богатая природа не устаетъ въ своемъ разнообразіи. Отдыхающіе глаза не утомляются смотрѣть и любоваться этимъ довольствомъ. Тѣсныя рамки лѣса какъ-то тепло, мягко обнимаютъ рѣчку со всѣми ея затѣями. Тихо и уютно въ этихъ мѣстахъ. Какая-то ровность, кротость захватываетъ незамѣтно душу среди такой мирной и доброй природы.

Но это не уголокъ безлюднаго затишья, не красивенькій кусочекъ глуши, мирной и неподвижной трущобы. Это живой, энергичный нервъ, работающій безъ устали, бьющій ключомъ, кишащій мелкой и крупной жизнью день и ночь. Это тотъ безпошлинный, прекрасный природный путь, который стягиваетъ къ себѣ все, что̀ есть живаго въ окру̀гѣ. Села, деревни, заводы, поселки, хутора, сторожки идутъ вдоль всей рѣки. Тутъ всюду кипитъ жизнь безъ устали. Богатая водяная дорога вся занята судами, пароходами, баржами, лодками, лодчонками и челноками, плотами и, наконецъ, дровяными полѣньями. Вверхъ и внизъ снуетъ

народъ по рѣкѣ; идутъ богатые покосы на поемныхъ лугахъ и наваиваются огромные стога; ставятся по берегу полѣницы изъ выловленныхъ дровъ; рыболовы цѣлыми партіями стоятъ на якоряхъ въ своихъ душегубкахъ и удятъ, или тянутъ сѣти и ставятъ морды.

Я, можетъ быть, увлекся излишними подробностями въ этомъ описаніи. Да проститъ мнѣ этотъ грѣхъ читатель. Я смертный охотникъ, и съ дѣтства, когда получилъ свободу шляться съ ружьемъ, страстно полюбилъ природу. Прошло много лѣтъ, я уже рѣдко сталъ охотиться, утратилъ много прежняго задора и горячки, но природу люблю по прежнему и не могу не увлекаться, когда передо мной являются ея лучшія картины, ея неизмѣримо богатыя силы, ея широкая разнообразная жизнь.

А какія картины были передо мной въ эту тихую ночь, въ это прелестнѣйшее утро. Какая жизнь дышала въ этой лѣсной природной просѣкѣ съ живой, широкой и глубокой водной дорогой. Зачѣмъ я не художникъ, не музыкантъ, не поэтъ? Я нарисовалъ бы вамъ этотъ тихій разсвѣтъ въ лѣсу; это бѣлое, своеобразно-металическое, тонко-матовое небо, этотъ темный, съ едва оживающими тѣнями лѣсъ, эту прогалину съ подвижной свѣтлой рѣчкой, упершейся далеко впереди въ неясную прекрасно-фіолетовую чащу; этотъ картинный, неподвижный островокъ съ наклоненными къ водѣ головками березы и съ темнымъ отпечаткомъ на гладкой водной тиши всѣхъ мелочей пробуждающагося лѣса. Я заставилъ бы васъ вслушаться въ этотъ міръ смѣшанныхъ неясныхъ звуковъ утра; вы услыхали бы и вырвавшійся вѣтерокъ, встряхнувшій легкіе листочки и сдунувшій съ нихъ первыя мелкія капли росы, и какъ всплеснулась тяжело рыба, встрепенулась голосистая птичка, чирикнула, чтобы очистить голосъ, завела-было колѣно нѣсенки и оборвалась; смѣло, громко рѣжетъ тихій воздухъ своимъ крякомъ въ болотѣ кряковная утка; меланхолично съ трелью свистнулъ куликъ надъ лѣсомъ; мѣрно стучатъ и вскрипываютъ тяжелыя весла большой рабочей лодки съ народомъ; рѣзко, точно ужаленный, вскрикнулъ поднявшійся надъ пароходомъ рыболовъ. И надо всѣмъ стоитъ ровное мелкое журчанье быстрой рѣки, неустанный, какъ на мельницѣ, топотъ парохода и шумный всплескъ поднятыхъ волнъ по берегамъ.... Я слилъ бы это все—эти картины и эти звуки — въ одни могучіе стихи, въ широкую и дивную пѣсню, чтобы уложилась въ ней душа, вздохнула глубоко свѣжаго утра грудь, умылось и улыбнулось бы лицо...

Но ничего подобнаго я сдѣлать не въ силахъ, и, извинившись за это отступленіе, я съ прозаической искренностью долженъ сказать, что такой дорогой мы добрались къ вечеру другаго дня (съ выѣзда изъ Петербурга) до села Вознесенья, стоящаго какъ разъ при выходѣ Свири изъ озера.

Село большое, бойкое, торговое, играющее гораздо болѣе важную роль, чѣмъ Петрозаводскъ. Это тоже своего рода «шлюзъ», но шлюзъ торговый, станція всѣхъ судовъ и лодокъ, двигающихся по Свири. Сюда идетъ весь хлѣбный товаръ изъ Рыбинска и здѣсь перегружается на рѣчныя и озерныя суда, чтобы двинуться далѣе къ Петербургу. Петрозаводскъ посылаетъ сюда же закупать для себя хлѣбъ. Длинный порядокъ двухэтажныхъ домовъ тянется по правому берегу рѣки. Лавочекъ, трактировъ и питейныхъ—непрерывный рядъ. Каналъ, складочные магазины, памятникъ временъ Александра I, вся рѣка, заставленная судами, пристань на крѣпкихъ сваяхъ, церковь на той сторонѣ (гдѣ первоначально было построено село, перешедшее все впослѣдствіи на лѣвый берегъ), шумъ и крикъ сотни бѣлобрысыхъ бабъ, явившихся съ услугами на пристань къ пароходу, безконечное движеніе на лодкахъ между судами, — вотъ что бросается въ глаза при первомъ взглядѣ на это «бойкое мѣсто». Народъ здѣсь ловкій, тертый, востре питерца. Бабы смѣлы и болтливы, какъ въ большихъ портахъ. Это своего рода матроски, которыхъ не удивишь ничѣмъ, а которыя скорѣе сами смутятъ васъ своей полной безцеремонностью, доходящей часто до сальности порядочнаго размѣра. Видимо, что это все закаленный народъ, о который много обколачивалось праздныхъ языковъ и обминалось нескромныхъ рукъ проѣзжаго народа. Не знаю, было ли это безусловно необходимо, но только очевидно, что цѣной этого бравурства нескромностью здѣшняя баба заработала себѣ право труда на пристани и судахъ.

Въ Вознесеньи мы должны были ночевать, т. е. простоять на мѣстѣ съ восьми часовъ вечера до пяти утра, почему ѣзда до Петрозаводска и занимаетъ двое сутокъ.

Путь по Онежскому озеру лежитъ вдоль западнаго берега, крутые склоны горъ котораго покрыты сплошнымъ лѣсомъ. Черезъ пять часовъ хода уже показались группы Ивановскихъ острововъ и за ними забѣлѣлся городъ. Крѣпкій противный вѣтеръ сталъ-было слегка покачивать пароходъ, но мы уже были внѣ открытаго озера и подходили къ пристани.

II.

Мудреная штука пристать къ пристани. — Видъ города съ озера.—Исторія Петрозаводска. — Начало дѣятельности здѣсь насаускаго нѣмца по горнозаводской части и начало закрѣпощенія рабочихъ заводамъ. — Что такое Петрозаводскъ? — Его воинственное сердце и видъ города отъ завода. — Бѣдность и невзрачность города. — Курьезъ съ булками.—Вечерняя прогулка и политики-солдаты.—Непзмѣнная и всюдѣсущая пѣсня „развеселыхъ солдатъ“.

Кажется, что̀ можетъ быть проще такого маневра для парохода,

какъ причалъ къ пристани,—однако мы приставали буквально полчаса. Таково свойство петрозаводской пристани. Сдѣлана она на деревянныхъ сваяхъ помостомъ, далеко вдающимся въ озеро. Сваи давно уже перегнили, спеціальныхъ причаловъ не оказалось. Закинули канаты за сваи—своротили; зацѣпили за другія—тоже самое. Сломавъ четыре сваи, чуть не сбросивъ матроса въ воду, оборвавъ нѣсколько разъ канаты и начавъ уже разрушать полѣницы дровъ, догадались, наконецъ, задѣть подвязанный канатъ гдѣ-то далеко, по ту сторону пристани. Началось длинное катанье парохода переднимъ и заднимъ ходомъ на укрѣпленномъ канатѣ.

Мнѣ, какъ человѣку, не имѣвшему никакихъ спеціальныхъ задачъ въ городѣ и потому совершенно равнодушному къ тому, черезъ четверть часа или черезъ полчаса окончитъ пароходъ свои маневрированія, можно было совершенно спокойно заняться главѣніемъ на все, что было теперь передано нами.

Приходъ парохода составляетъ для города нѣкотораго рода событіе, и потому пристань всякій разъ полна народомъ. И сколько нетерпѣливыхъ глазъ было обращено теперь съ пристани въ нашу сторону. Сколько милыхъ улыбокъ застыли на губахъ и начинали мало по малу кривить и дѣлать забавно плаксивыми рты и всѣ эти обрадованныя встрѣчей лица. И жалко, и скучно. А остроумный пароходъ съ философской выдержкой продолжаетъ дѣлать свои рейсы на привязи.

Я перевелъ глаза на городъ. Со стороны пристани онъ рѣшительно не имѣетъ никакого вида. Весь онъ дѣлится на двѣ половины: верхній, на гористомъ берегу, изъ котораго съ озера видно только двѣ церкви, и нижній — вытянутый однимъ длиннымъ порядкомъ вдоль самаго берега. Связи между ними не видно никакой, кромѣ двухъ или трехъ небольшихъ улицъ, такъ что съ перваго раза кажется, будто пріѣхалъ не въ городъ, а въ богатое прибрежное поселеніе. И въ самомъ дѣлѣ, весь офиціальный и заводскій городъ сосредоточивается на горѣ, оставивъ прибрежной своей части рынокъ и рыбацкое населеніе.

Петрозаводскъ — городъ Петровскихъ заводовъ, построенныхъ въ 1703 году, по повелѣнію Петра Великаго, на мѣстѣ, выбранномъ саксонскимъ пробиреромъ Блюеромъ, при самомъ устьѣ рѣчки Лососинки, впадающей въ Онежское озеро. Заводъ первоначально былъ мѣдноплавильный, но вскорѣ передѣланъ въ желѣзодѣлательный и пушечно-литейный. Кругомъ завода, по холмамъ, раскинулась «Петровская слобода» рабочихъ людей — будущій губернскій городъ Петрозаводскъ. Черезъ десять лѣтъ здѣсь появился де-Геннинъ—нѣмецъ изъ Нассау, военный инженеръ, русскій артилерійскій полковникъ и любимецъ Петра—

въ качествѣ начальника Олонецкихъ заводовъ. Здѣсь впервые личность этого тонкаго и корыстнаго нѣмца выдвинулась на поприщѣ русской горнозаводской дѣятельности. Съумѣвъ съ нѣмецкимъ тактомъ понять и подѣлаться подъ взгляды и желанія царя, де-Генинъ захватилъ въ свои ловкія руки все вліяніе надъ только-что зарождавшимся тогда въ Россіи горнымъ дѣломъ и далъ ему то ложное направленіе, благодаря которому наша горнозаводская промышленность въ послѣднее только время стала понемногу оправляться отъ полуторастолѣтняго коснѣнія и безцѣльнаго поглощенія огромной массы лѣсныхъ богатствъ и народнаго труда. Петрозаводскъ первый увидѣлъ начало осуществленія плановъ насаускаго нѣмца — закрѣпощеніе рабочихъ заводамъ и отвода послѣднимъ огромнѣйшихъ лѣсныхъ дачъ въ пользованіе. Уже къ концу горнозаводской дѣятельности де-Генина, перенесшаго ее изъ Олонецкаго края на Уралъ, плоды его крѣпостнической идеи выражались цифрой 25,000 душъ отборныхъ заводскихъ рабовъ, — идеи, безграничное развитіе которой было остановлено только 8-го марта 1861 года, т. е. безъ малаго черезъ полтора столѣтія.

Де-Генинъ уѣхалъ отсюда въ 1722 году, а черезъ пять лѣтъ заводы были остановлены. Только въ 1772 году начинается оживленіе этого края, когда заводы были переданы тайному совѣтнику Соймонову, при которомъ обербергмейстеръ Ярцевъ заложилъ (1773 г.) новый заводъ, выше прежняго, на той же рѣчкѣ—названный Александровскимъ и существующій по сіе время. Съ новымъ заводомъ Петровская слобода дѣлается городомъ (1777), въ который вскорѣ переносятъ присутственныя мѣста изъ Олонца и вслѣдъ затѣмъ (1784 г.) именуютъ губернскимъ тогдашняго Олонецкаго намѣстничества. Но Петрозаводску недолго досталось погордиться губернскимъ званіемъ: съ упраздненіемъ намѣстничества, онъ не только былъ разжалованъ, но даже причисленъ къ другой губерніи — Новгородской. Но въ первый годъ нынѣшняго столѣтія счастіе снова улыбнулось далекому заводскому городу, и онъ сталъ губернскимъ городомъ Олонецкой губерніи.

И вотъ, заводскій поселокъ закрѣпощенныхъ людей сталъ городомъ, сдѣлался административнымъ центромъ цѣлой губерніи, равняющейся по величинѣ Англіи и Валису вмѣстѣ (1). Что же такое онъ теперь? Да и теперь этотъ Петрозаводскъ тоже, что и прежде: онъ весь въ его заводѣ. Даже по мѣстоположенію своему послѣдній занимаетъ центръ города. Вокругъ его размѣщается заводское рабочее населеніе. Админи-

(1) Площадь Олонецкой губерніи = 2,701 кв. м., т. е. только въ 2½ раза менѣе Европейской Турціи, значительно больше Румыніи и въ три раза болѣе Греческаго королевства.

страція, связанная съ заводомъ, едва ли не самая многочисленная между другими власть имѣющими групами. Мѣстная торговля опять-таки въ самой непосредственной зависимости отъ заводскаго населенія. Такъ что— говорить о городѣ, это значитъ говорить о заводѣ. Но заводъ слишкомъ невеликъ, его операціи не обширны, запросы заводскаго люда не богаты. И отсюда вполнѣ естественно заключеніе: стало быть, и городъ не великъ и не богатъ. И это какъ нельзя болѣе вѣрно. Десятитысячное населеніе для губернскаго города, конечно, весьма немноголюдно (1), а бѣдность города проглядываетъ рѣшительно во всемъ.

Какъ я сказалъ, въ самомъ центрѣ города стоитъ заводъ. Рѣчка Лососпика, получающая воду изъ двухъ озеръ (верстъ за 18—20), на которыхъ устроены плотины для регулированія нужнымъ для завода количествомъ воды, бѣжитъ поперекъ города въ широкомъ размытомъ оврагѣ самаго неправильнаго, естественно-затѣйливаго очертанія. Въ одномъ мѣстѣ оврагъ расширенъ, дно его выровнено, и тутъ-то, среди этой площадки, помѣщается заводъ — единственная теперь живая сила города, его сердце, и хотя Петрозаводскъ такъ же смиренъ и тихъ, какъ Онежское озеро во время безвѣтрія, но сердце его не только военное, но самое воинственное, боевое сердце: заводъ исполняетъ исключительно только артилерійскіе заказы. Помѣщеніе завода въ оврагѣ прямо обусловлено тѣмъ, что и въ настоящее еще время главнымъ двигателемъ въ его мастерскихъ является вода, работающая, если не ошибаюсь, въ четырехъ колесахъ и парѣ турбинъ съ горизонтальными осями (Шваикруга); заводъ пользуется паровыми двигателями весьма небольшаго количества силъ. Въ прежнее же время, безъ всякаго сомнѣнія, вода являлась исключительной рабочей силой всего завода.

Полукольцомъ на верху оврага, по лѣвую сторону рѣчки, стоятъ небольшіе бѣленькіе домики, очень похожіе одинъ на другой и выдающіе себя сразу за казенныя постройки. Тутъ присутственныя мѣста, квартиры служащихъ. Правая сторона занята болѣе или менѣе чистенькими деревянными домиками. Ниже завода, черезъ оврагъ, скаты котораго заняты кусочками огородовъ, строится новый деревянный мостъ, упирающійся однимъ концомъ въ соборъ; по одну сторону собора общественный садъ, по другую гостиный дворъ и клубъ, разводящій около себя нѣчто въ родѣ сквера. За соборомъ виднѣется зданіе — гимназія. Это — лицевое кольцо города. Къ нему примыкаетъ все, что попри-

(1) Въ настоящее время только пять губернскихъ и областныхъ городовъ менѣе, по населенію, Петрозаводска: Акмолы, Благовѣщенскъ, Кѣльца, Николаевскъ и Темиръ-Ханъ-Шура, да шестой Сѣдлецъ равенъ ему.

личнѣе и поросошнѣе. Далѣе, за этимъ официальнымъ заборомъ, начинаются уже улицы съ маленькими почернѣвшими деревянными домиками, большая часть которыхъ принадлежитъ заводскимъ мастерамъ. Еще далѣе, городъ вѣнчаютъ два самыхъ большихъ и самыхъ важныхъ зданія: семинарія и острогъ. Болѣе этого о внѣшней сторонѣ города сказать рѣшительно нечего. Даже церквей въ немъ только четыре, если не считать двѣ кладбищенскихъ и четыре домовыхъ. Такъ что, подымитесь съ пристани на верхъ, остановитесь на краю оврага, взгляните на маленькій, чистенькій и заново-выкрашенный, по поводу недавняго посѣщенія здѣшнихъ мѣстъ министромъ государственнаго имущества, заводикъ, который стоитъ внизу, у вашихъ ногъ, весь на ладони, окиньте бѣгло главами казенное кольцо, тоже свѣже покрашенное, — и идите внутрь города. Здѣсь простота во всей неприкосновенности глухой провинціи. Улицы, которыя мостить не приходило никому никогда въ голову; бревенчатые домики, окрашенные временемъ въ черный цвѣтъ, неизмѣнная герань и фукція въ окнахъ, жалкіе огороды съ частоколомъ кругомъ; великое множество дворныхъ собакъ, по преимуществу кореликъ; площади, сплошь засѣянныя вросшими въ землю валунами; кое-гдѣ, какъ роскошь, обрывки деревянныхъ тротуаровъ, и полное отсутствіе зелени. Это послѣднее сразу бросается въ глаза. Въ самомъ дѣлѣ: кругомъ идутъ огромные лѣса, все озеро въ густой зелени, — а городъ стоитъ на голой горѣ, на солнцепекѣ, безъ садовъ, совсѣмъ безъ зелени, если не считать крошечный уголокъ общественнаго сада, да миніатюрнаго парка при бывшемъ дворцѣ Императора Александра I. Это отсутствіе садовъ и вообще зелени (только теперь пробуютъ сажать убогія саженки около церкви на заводской площади и разводятъ упомянутый палисадникъ у клуба) дѣлаетъ еще болѣе невзрачнымъ Петрозаводскъ, оголяетъ бѣдность городка, наклонившагося къ голому оврагу, по которому шумитъ рѣчка, составляя не украшеніе, а безобразіе городскаго ландшафта. Точно въ степи.

Бѣдность города видна во всемъ. Рѣдко встрѣтишь «хозяйскій» уголъ, уютность и любовь къ своему дѣлу, ту домовитость, которыя характеризуютъ живое мѣсто. Взгляните на «гостинный дворъ» вверху— полуазіятскій, полукорельскій — бѣдность, сбродъ, какой-то слой пыли. Зайдите въ «ряды» внизу, съ предметами продовольствія— и вы сразу поймете, какъ ничтожны, ограниченны и незатѣйливы требованія здѣшнихъ жителей. Мнѣ довелось проходить по такъ называемой «ярмаркѣ» (на Петровъ день). Это простой небольшой базаръ, безъ особенной толкотни и съ поражающимъ преобладаніемъ бабъ, продающихъ кислое

молоко, грибы и ягоды (1). Петрозаводскія хозяйки не всякій день могутъ разсчитывать найти свѣжую рыбу. «А вотъ, пойти на пристань, посмотрѣть—не привезли-ли что», говорятъ онѣ типичную фразу, собираясь за закупками, видимо знакомыя съ тѣмъ, что продавцы не очень-то увѣрены въ тароватости (проса своихъ покупателей. Въ мелочныхъ лавочкахъ на ваши вопросы — нѣтъ ли чего съѣдобнаго, вы слышите одинъ отвѣтъ: «нѣтъ ничего, вонъ селедки».

— Неужто, кромѣ селедокъ, ничего? Хоть какой нибудь засохшей колбасы, хоть масла что ли, сушеной или соленой рыбы?

— Здѣсь вѣдь не Петербургъ-съ, узнаютъ въ вашихъ запросахъ пріѣзжаго: захотѣли вы тутъ чего нибудь, благодушно отвѣчаетъ лавочникъ.

— Какъ? никакой рыбы даже? коситесь вы невольно на озеро.

— Нѣту-съ, нѣту-съ, Богъ миловалъ — ничего нѣту-съ, улыбается вполнѣ довольный собой человѣкъ.

До чего тутъ не широки разсчеты, равскажу случай, совершенно анекдотическаго характера. Въ городѣ очень немного булочныхъ. Одна изъ нихъ, весьма недурная, помѣщается на бойкомъ мѣстѣ. Какъ-то разъ пріѣхавшіе на лѣтнія занятія на заводѣ студенты возвращались изъ поѣздки очень рано утромъ. Видятъ булочную, и съ голодными молодыми желудками набрасываются на только что вынутыя изъ печи булки и уходятъ съ апетитными связками разныхъ кренделей, витушекъ и т. п. Чтб же оказалось? Пятнадцать молодыхъ желудковъ, явившихся неожиданно въ этой части города, такъ обобрали булочную, что постояннымъ ея посѣтителямъ къ утреннему чаю не хватило хлѣба.

И все это очень понятно. Петрозаводскъ искусственный административный центръ управленія 298 тысячами народа, раскинутаго съ просторомъ $2^1/_4$ человѣкъ на одну квадратную версту: центръ промышленный, исключительно благодаря казенному заводу, такъ еще недавно державшемуся трудомъ закрѣпощенныхъ рабочихъ, еще не успѣвшихъ за короткій срокъ свободнаго труда оправиться отъ прежней бѣдности (всѣ заводскіе мастеровые — около полутора тысячъ человѣкъ — приписались къ мѣщанамъ). Частной промышленности не существуетъ (2), кромѣ рыбачьяго промысла, который съ полнымъ удобствомъ могъ бы сосредоточить свою торговую дѣятельность въ любомъ мѣстѣ озера. Такъ что перенесите администрацію въ другой пунктъ, остановите заводъ—и отъ

(1) Большее значеніе имѣютъ всѣ другія сельскія ярмарки: Аѳанасьевская (январь) и Алексѣевская (мартъ), хотя объ замѣтно падаютъ годъ отъ году.

(2) Въ городѣ имѣется: одинъ кожевенный заводъ (производитъ на 800 р.), три кирпичныхъ (10,000 р.) и одинъ спичечный (1,200 р.), т. е. всѣ вмѣстѣ производятъ только на 12,000 р. въ годъ.

Петрозаводска останутся одни рыбаки, какъ самостоятельная часть его населенія.

Помѣстивъ свой немудрый багажъ на очень дешевой квартирѣ, нанятой у какого-то мастерового (найти квартиру составило не мало труда, потому что въ городѣ не знаютъ совершенно обычая прибивать билетики, и намъ довелось просто на удачу ходить изъ дома въ домъ), мы въ тотъ же вечеръ ознакомились со всѣмъ городомъ. Прошлись по самымъ главнымъ улицамъ, взглянули на семинарію, вмѣщающую въ себѣ болѣе ста учащихся; побывали въ кварталахъ, заселенныхъ рабочимъ людомъ, гдѣ по вечерамъ всегда встрѣтишь хороводы и пѣсни; прошли по «саду» — тѣсной, немудрой рощицѣ изъ березы и осины преимущественно, и загороженной отъ вида на озеро гнилымъ заборомъ, постояли на строющемся мосту, посмотрѣли на ямы на рѣчкѣ, надъ которыми стоятъ купальни, и должны были выбирать между клубомъ съ картами и плохой (чуть ли не единственной въ городѣ) гостинницей съ биліардомъ и кеглями. Мы предпочли остаться на свободѣ. Идемъ, у воротъ какого-то дома сидятъ на лавочкѣ смирно солдаты, въ окнахъ торчатъ тоже военныя, коротко стриженныя головы.

— Что же вы, кавалеры, молча сидите, пѣсенъ не поете? обратился я къ нимъ, проходя мимо. Развеселые солдаты, такіе молодцы, на службѣ трудятся, а на досугѣ не веселятся, передѣлалъ я провой извѣстную солдатскую пѣсню.

— Это сколько угодно можно, господинъ, вполнѣ развязно отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ нихъ: вотъ только что не всѣ собрались.

Я задержался.

— Огонька найдется у кого? спросилъ я, вынимая папиросу.

— Когда же солдатъ безъ огня живетъ, получилъ я отвѣтъ, и вслѣдъ за нимъ самодѣльная спичечница-деревяшка появилась на свѣтъ Божій изъ глубокаго солдатскаго кармана.

— Пожалуйте-съ, освѣтилась передо мной рабочая мозолистая и грязная ладонь и испачканный обшлагъ мундира.

— Папироску желаете? отвѣтилъ я равносильной любезностью, когда закурилъ.

— Благодаримъ покорно, отвѣтила служба привычной фразой и стала жечь себѣ пальцы, закуривая отъ догорѣвшей спички, чтобы не безпокоить мою папиросу и не израсходовать лишней сѣрянки.

— Ну, что же вы тутъ про войну слышите? поинтересовался я горячимъ вопросомъ Востока.

— Да только что вотъ въ газетахъ пишутъ, то намъ извѣстно, окромѣ того гдѣ же слышать?

— А вы развѣ читаете газеты? искренно удивился я.

— Какъ же ихъ не читать, читаемъ. Все, напримѣръ, что прописано, обо всемъ читаемъ-съ. Мы еще впереди другихъ прочтемъ, прибавилъ говорившій не безъ нѣкотораго достоинства. Потому онѣ черезъ наши руки должны идти, пояснилъ онъ: какъ въ канцеляріи почту примутъ, мы пакеты отберемъ, газеты отберемъ — сейчасъ и читать. Прочтемъ, тогда командиру снесемъ. Завсегда впереди всѣхъ читаемъ: какъ, сейчасъ, тамъ султана Абдулъ-Азиса извергнули и теперь у нихъ новый... тотъ... Мурадъ называется; и про нынее звѣрство, про войну славянскую, про генерала Черняева...

Нашъ любопытный разговоръ былъ прерванъ на этомъ появленіемъ нѣсколькихъ новыхъ молодцовъ, которые сраау завели рѣчи о пѣсняхъ, о моемъ будто бы желаніи ихъ слушать, и довольно прозрачно наводили чисто коммерческія соображенія. Мнѣ не хотѣлось платиться этимъ промышленнымъ людямъ и я, распрощавшись, двинулся дальше.

— Каковы политики-то наши солдатики? невольно сказалъ я въ сторону своего спутника, отойдя отъ солдатъ.

Тотъ же разговоръ вспомнился мнѣ вскорѣ и потомъ, когда у кого-то изъ видныхъ представителей петрозаводской интеллигенціи довелось видѣть полный уголъ комнаты, забросанной нераспечатанными нумерами газеты, вѣроятно мѣсяца за два не меньше.

Но мои политики уже гремѣли старинную и популярнѣйшую солдатскую пѣсню, изъ которой время отъ времени догоняли насъ наиболѣе знакомыя громкія фразы, какъ ихъ баталіонный командиръ

Батальонъ свой приготовилъ
Для прибытія Царя,

а всему полку отецъ — ихъ полковникъ молодецъ, — убѣждалъ:

Вы, ребята, подтянитесь,
Предъ Царемъ вы подбодритесь

и затѣмъ

Нашъ полковникъ не сробѣлъ —
Показалъ храбрый примѣръ:
На средину выѣзжалъ,
Всѣ пріемы показалъ.

и какъ они — развеселые солдаты

Всѣ пріемы проскакали —
Благодарность получали;
Скорымъ шагомъ проходили —
Благодарность получили!

И какъ, наконецъ, ихъ ротный командиръ яснымъ соколомъ летѣлъ и веселиться имъ велѣлъ, потому

Вы, ребята, веселитесь —
Во походъ скоро пойдемъ!

Этимъ закончили политики то, что я смогъ разслушать еще изъ ихъ пѣсни.

III.

Александровскій заводъ и его производство.—Два слова по поводу корреспонденцій.—Мысли о прошлой дѣятельности, о будущности завода.—Музей.—Памятникъ Петру I и дворецъ Александра I.—Окрестности Петрозаводска, выгоны и медвѣди.—Хозяйство одного изъ медвѣдей въ городѣ и отношенія къ нему жителей.

Александровскій заводъ занимается въ настоящее время отливкой изъ чугуна орудій и снарядовъ. Чугунныя пушки изготовляются для сухопутной крѣпостной артилеріи, не болѣе девятифунтоваго калибра, нарѣзныя, заряжающіяся съ казенной части. Чугунъ доставляется изъ окрестныхъ чугуноплавильныхъ казенныхъ заводовъ: Кончозерскаго, Валаамскаго и Повѣнецкаго. Доменныя печи (двѣ) въ Петрозаводскѣ кончили свои работы года два—три назадъ, по дороговизнѣ доставки туда руды, и заводъ въ настоящее время спеціально занятъ только литьемъ и обдѣлкой артилерійскихъ орудій. Зданія завода не обширны, но для настоящаго размѣра производства помѣстительны, чисты и вообще производятъ пріятное впечатлѣніе своимъ порядкомъ. Можетъ быть эта чистота зависитъ нынѣ главнымъ образомъ отъ того, что дѣятельность завода очень ограничена и уменьшается съ каждымъ годомъ. Такъ, въ прошломъ году заказъ былъ въ 120 орудій, а теперь онъ уменьшенъ на половину. Сокращеніе работъ можно наблюдать также и на постепенной убыли мастеровыхъ, въ зависимости не отъ введенія какихъ либо новыхъ машинъ или условій производства, а прямо отъ неимѣнія на всѣхъ постоянной работы. Съ каждымъ годомъ часть мастеровъ уходитъ съ завода, такъ какъ при низкой поденной платѣ и при уменьшеніи числа рабочихъ дней, имъ иногда приходится прямо бѣдствовать, если нѣтъ случайной частной работы.

Пушечно-литейная мастерская довольно обширна, съ четырьмя чугунно-плавильными печами, пожирающими огромное количество дровъ, которыхъ, конечно, у завода вволю, и перебросить одинъ, даже полтора «жара» (практическая мѣра топлива) лишнихъ вошло у рабочихъ чуть ли не въ привычку. Дровъ, вѣдь, не жалко.

Отливка орудій изъ чугуна ведется по американскому способу, т. е. со внутреннимъ охлажденіемъ водой и съ внѣшнимъ подогрѣвомъ фор-

мы, для чего ее задѣлываютъ въ особую кирпичную легкую печь или кожухъ.

Самаго производства или процеса отливки описывать, конечно, я не стану, такъ какъ не обладаю такимъ краснорѣчивымъ перомъ, какъ филадельфійскій корреспондентъ одной газеты, изображавшій удивительно картинно и съ величайшими восторгами такую диковинную вещь, какъ бесемерованіе стали, или прокатка рельсовъ. Я упомянулъ объ этомъ здѣсь безъ всякаго желанія острить надъ ученымъ корреспондентомъ, а просто потому, что такой фактъ очень характеренъ, такъ какъ слишкомъ рельефно показываетъ, на сколько иногда бываемъ мы наивны, обозрѣвая все чужое и не имѣя ровно никакого попятія о своемъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ упомянутый корреспондентъ, составивъ всю свою длинную корреспонденцію изъ огненныхъ картинъ процеса Бесемера, не хотѣлъ поразить своихъ читателей и новостью, и оригинальностью стальнаго производства, которое можно видѣть только въ Америкѣ, а въ Россіи только развѣ мечтать, читая корреспонденціи. Развѣ онъ подозрѣвалъ, что всѣ эти диковины онъ могъ бы видѣть хоть бы въ Петербургѣ, у себя подъ бокомъ, не ѣздя въ Филадельфію въ качествѣ нѣкотораго представителя Россіи на выставкѣ, и не участвуя въ тріумфальномъ поѣздѣ прогулокъ по Америкѣ? Развѣ можно такъ наивно-восторженно разсказывать про заморское чудо, когда знаешь, что всего аа 12 верстъ ѣзды на пароходѣ отъ центра Петербурга существуетъ огромная и превосходно устроенная бесемеровская мастерская, съ вагранками, огромными ретортами, кранами и водостолбовыми машинами, на нашемъ Обуховскомъ заводѣ, избавившемъ, какъ извѣстно, насъ совершенно отъ услугъ г. Круппа и К° (1), къ которымъ обращается теперь вся Европа; когда знаешь, что здѣсь же, за семь верстъ всего, паровые молоты и вальцы Путиловскаго завода такъ же быстро куютъ стальныя болванки, такъ же легко и просто прокатываютъ изъ послѣднихъ рельсы, такъ же эфектно рѣжетъ ихъ круглая пила, и даже (?!) такъ же высоко подымается 25-ти пудовая баба, при пробѣ рельсовъ? Безъ сомнѣнія, ученому корреспонденту не довелось бы тогда ахать отъ удивленія и на американскихъ заводахъ, и дивиться на чудо бесемеровавшія чуть не съ восторгами бухарскаго посланника, видѣвшаго первый разъ въ Москвѣ фейерверкъ, о которомъ въ его несчастной странѣ никому и сниться не могло. Но такова ужь видно судьба насъ, русскихъ,

(1) Извѣстно, что на этомъ же Обуховскомъ заводѣ 50-ти-тонный паровой молотъ, составляющій всю суть въ производствѣ стальныхъ орудій большаго калибра, не уступаетъ крупповскому, а пермскій двудѣйствующій молотъ (= 150 тон. одноД.) до сихъ поръ самый гигантскій на всемъ земномъ шарѣ.

какъ и судьба какого нибудь нашего Кивача, который — будь онъ за границей — сталъ бы извѣстенъ большинству русскихъ, любящихъ чужія чудеса.....

Тѣмъ болѣе я безсиленъ въ описаніи производства Александровскаго завода, что на немъ и не происходитъ ничего эфектнаго (это не отливка гигантскихъ стальныхъ пушекъ). Чугунъ льютъ безъ всякой картинности и иллюминацій, хотя льютъ смѣло и умѣючи.

Какъ увѣряютъ, чугунъ изъ озерныхъ рудъ вполнѣ пригоденъ для этой цѣли и, при извѣстномъ смѣшеніи разныхъ полировъ, даетъ очень хорошій пушечный металъ. Изъ другихъ мастерскихъ завода я укажу на тѣ, въ которыхъ производится обточка, сверленіе, нарѣзка и, вообще, полная отдѣлка орудій, съ пригнанными уже къ нимъ запирающими механизмами (1). Мастерскія эти тоже не обширны, но поставлены довольно экономно и ведутъ работы вполнѣ удовлетворительно. Машины исправны, и хотя нѣкоторыя изъ нихъ уже устарѣли противъ послѣднихъ изобрѣтеній механики, но работаютъ быстро и отчетливо, такъ что осмотръ этой части завода оставляетъ весьма хорошее впечатлѣніе, и видя чистоту и точность работы въ окончательно отдѣланныхъ орудіяхъ, какъ-то даже туго миришься съ вкоренившимися обыденными понятіями о грубости такого матеріала, каковъ чугунъ.

Остальныя заводскія зданія заняты мастерскими формовочными, снарядо-литейными, шлифующими и одѣвающими свинцомъ снаряды. Мастерскія не велики и видимо стѣснены размѣрами, такъ какъ, рядомъ съ токарными станками, на которыхъ идетъ шлифовка, вы натыкаетесь въ нѣсколькихъ углахъ завода на первобытный способъ шлифовать снаряды на каменныхъ фигурныхъ жерновахъ, какъ на точилѣ, — что и долго, и не акуратно, и требуетъ отъ рабочихъ большихъ и неловкихъ усилій.

Если прибавить къ этому чистый, проточный басейнъ въ задней части двора, съ широкими ступенями въ воду, въ которой купаются и моются рабочіе (вещь, заслуживающая широкаго подражанія и на другихъ заводахъ), да небольшую бесѣдочку въ видѣ навѣса надъ историческими такъ сказать пушками, изъ которыхъ особенно любопытна небольшая петровскихъ временъ, заряжающаяся съ казенной части и запирающаяся клиномъ (что отвоевываетъ у хвастливыхъ нѣмцевъ славу изобрѣтенія этихъ орудій),—то физіономія завода будетъ закончена. Въ общемъ, все-таки это небольшое и не дурно поставленное производство

(1) Полные стальные замки приготовляются, т. е. вытачиваются всѣ ихъ части, тутъ же на заводѣ изъ доставляемыхъ съ Обуховскаго завода стальныхъ, въ чернѣ отдѣланныхъ цилиндровъ.

оставляетъ представленіе скорѣе чего-то случайнаго и временнаго, чѣмъ прочнаго и долженствующаго развиваться. Въ самомъ дѣлѣ, если весь Петрозаводскъ въ этомъ заводѣ, если этотъ заводъ существуетъ уже болѣе полутораста лѣтъ, единственный во всемъ краѣ, на берегу такого обширнаго озера, вблизи отъ Петербурга, снабженный богатѣйшими лѣсными дачами и обезпеченный казенными средствами, — то естественно желаніе видѣть въ этомъ заводѣ и широкое значеніе въ настоящемъ, и еще болѣе богатое въ будущемъ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, не вѣрится въ его будущность. Эти постоянно уменьшающіеся размѣры его производства; самая спеціальность работъ, — чугунныя пушки — обусловленная временными военно-экономическими соображеніями и ограниченная также временнымъ спросомъ крѣпостнаго вооруженія, едвали представляютъ какія либо гарантіи развитія и расширенія его дѣятельности. Заказы на снаряды тоже не велики и стоятъ, конечно, въ прямой зависимости отъ политическихъ комбинацій на горизонтѣ Европы, а не отъ экономическихъ силъ и потребностей страны. Такимъ образомъ, при настоящей обстановкѣ будущность Александровскаго завода рѣшительно сомнительна. Конечно, заводъ могъ бы, за неимѣніемъ казенныхъ заказовъ, удовлетворять большому числу частныхъ, обходясь имѣющимися у него средствами, но пріемъ частныхъ заказовъ до того затрудненъ въ настоящее время цѣлой массой сложныхъ формальностей, что тѣ, кому дорого время, рѣшительно избѣгаютъ входить въ сношенія съ заводомъ. Только при коренномъ измѣненіи дѣятельности и возможномъ расширеніи сферы этой дѣятельности можетъ быть поднято значеніе завода въ краѣ и обезпечена его будущность. Въ противномъ случаѣ, едва ли онъ выйдетъ изъ положенія временной станціи, содержаніе которой съ каждымъ годомъ будетъ становиться дороже и менѣе производительно.

Какъ непосредственно связанное съ заводомъ учрежденіе — музей, заслуживаетъ, кажется, лучшей участи, чѣмъ та, на которую онъ теперь обреченъ. Это небольшое собраніе моделей машинъ, рудъ, нѣкоторыхъ минераловъ и образцовъ заводскихъ продуктовъ. Значеніе такихъ музеевъ признано давно, а для Петрозаводска онъ, кромѣ того, долженъ бы еще играть роль разсадника горнозаводскихъ знаній и техническихъ приспособленій. Но этотъ скромный уголокъ едва ли приноситъ и сотую долю той пользы, которую онъ можетъ приносить. Судьба его такъ тѣсно связана съ судьбой завода, что до тѣхъ поръ, пока послѣдній не займетъ надлежащаго мѣста по своимъ размѣрамъ и кругу дѣятельности, пока онъ не выдвинется какъ центръ заводской промышленности, стягивающій къ себѣ рабочія силы края, до тѣхъ поръ и маленькій му-

зейчикъ не будетъ никѣмъ замѣченъ, никого не заинтересуетъ своими собраніями, не станетъ расти и не займетъ своего надлежащаго положенія. Но какъ зачатокъ этого, какъ фондъ чего-то большаго въ будущемъ, онъ очень важенъ и заслуживаетъ вниманія и попеченій и въ настоящее время.

Выйдя изъ воротъ завода, нельзя не остановиться, чтобы не полюбоваться на памятникъ Петру, виднѣющійся на верху оврага съ лѣвой руки. Со дна оврага нижняя часть монумента совершенно не видна (она къ тому же и чрезвычайно неудачна, напоминая своимъ очертаніемъ нѣчто похожее на дамскій корсетъ). На чистомъ небѣ рисуется одна только прекрасная, величественная фигура Великаго Царя. Статуя такъ хорошо, характерно сдѣлана, такъ выгодно поставлена съ протянутой рукой въ заводу, что сразу узнаешь въ ней того, кто первый указалъ здѣсь мѣсто, въ которомъ предназначалось развиваться горному дѣлу Олонецкаго края. Долго любовался я этой грандіозной, темной фигурой, казавшейся скорѣе какой-то могучей тѣнью на небѣ самого Петра, чѣмъ его статуей.

Въ числѣ историческихъ памятниковъ города укажу еще на дворецъ Александра I, посѣтившаго Петрозаводскъ въ 1819 году. Это двухэтажный деревянный домъ, съ уютными комнатками, напоминающій собой хорошую дачу подъ Петербургомъ. Особенно недуренъ при домѣ паркъ — единственный во всемъ городѣ, и разбитый очень удачно. Въ срединѣ парка деревянная бесѣдка съ вышкой, въ настоящее время на столько ветхая, что входить на верхъ нужно съ нѣкоторой опаской. Видъ изъ этой бесѣдки на парки, на заводъ, на окружающіе городъ лѣса и, наконецъ, на озеро, очень хорошъ. Противъ бесѣдки, среди куртины, бюстъ Петра. Въ настоящее время этотъ домъ отданъ подъ помѣщеніе начальнику олонецкихъ горныхъ заводовъ.

Болѣе этого, если не вдаваться въ чисто статистическія данныя города, объ немъ сказать что нибудь очень трудно.

Сейчасъ же за Петрозаводскомъ начинаются лѣса. Ближайшіе къ нему участки молодые, видимо выросшіе на прежней порубѣ. Этой густой и сильной молодью городъ незамѣтно сливается съ коренными лѣсами, уходящими въ болота и топи, съ непремѣнными озерами, камнями и «ломомъ» (самопадомъ). Примыкающіе къ самому городу лѣса составляютъ его хозяйственныя пригородныя угодья: въ нихъ косятъ сѣно, рубятъ вѣники и жерди, и, главное, пасутъ скотину. Ограниченность выгоновъ (1) и сохраненіе всякаго клочка чистаго мѣста подъ покосы,

(1) Весь городской выгонъ состоитъ: огородной земли 190 десятинъ, пахотной 91 и сѣнокосу 361 десятина.

сдѣлали лѣсъ единственнымъ мѣстомъ пастьбища, и потому всѣ окрестные лѣса цѣлый день полны характернымъ звономъ глухихъ колоколовъ, навѣшанныхъ на шеи коровъ и лошадей. Выгонъ такого сорта, конечно, не мало затрудняетъ мѣстныхъ жителей, потому что отыскать, напримѣръ, потребовавшуюся среди дня лошадь въ густомъ лѣсу и въ болотѣ—вещь не легкая. Не хитро также, при этомъ сплошномъ звонѣ цѣлаго стада, пастухамъ не дослышать какого нибудь еднаго колокольчика и оставить зазѣвавшуюся скотину въ лѣсу. А потомъ поди, ищи ее. Но, помимо этого, для петроводцевъ есть еще одно обстоятельство, заставляющее ихъ время отъ времени сильно безпокоиться за свою скотину. Причиной этого медвѣди.

Такъ, напримѣръ, въ нашъ пріѣздъ мы были свидѣтелями общаго испуга жителей отъ появившагося новаго и весьма общительнаго сосѣда.

Намъ нахвалили мѣстность вдоль озера, какъ богатую дичью, и я, вдвоемъ съ товарищемъ, вздумали пройтись съ ружьями. Мѣста, дѣйствительно, были хорошія, но, благодаря тому, что по нимъ пасется скотина, охотиться было бы совершенно напрасно. И мы, поднявъ только двухъ холостяковъ, вальдшнепа и тетерку, вернулись назадъ. Дорога шла около тюремнаго замка, стоящаго совсѣмъ на вылетѣ города. Мы шли разговаривая и совсѣмъ не обращая вниманія на встрѣчи. Вдругъ слышимъ окрикъ:

— Вы, господа, охотники, вотъ въ эту сторону бы сходили?

Мы остановились. Недалеко отъ васъ стоялъ капралъ губернскаго баталіона.

— А что тамъ такое? спросили мы.

— Медвѣдя бы понюхали, больно медвѣдь большой ходитъ.

— Ну!

— Вѣрное слово вамъ говорю: большенный медвѣдь.

— Такъ развѣ его сыщешь въ лѣсу-то?

— Да онъ наружу выходитъ, вовсе вплоть города расхаживаетъ,— я самъ видѣлъ. Мы въ караулѣ стояли въ тюремномъ замкѣ. А онъ изъ лѣсу выйдетъ, да кругомъ и ходитъ. Два раза своими глазами видѣлъ.

— Давно ли это?

— Нѣтъ, недавно, дня два всего. А онъ-то ужь давно тутъ ходитъ, сколько скотины перепортилъ. Вотъ бы вы его постерегли.

Мы распростились съ капраломъ и пошли дальше. По дорогѣ зашли выпить послѣ моціона по стакану пива. Тамъ опять разговоръ о медвѣдѣ.

— Онъ ужь недѣль съ пять, видно, вокругъ насъ ходитъ, да прежде смирнѣе былъ, разсказывалъ сѣдой старикъ. А теперь такъ никакого ладу нѣтъ. Ужь пятнадцатую скотину деретъ. Вотъ тутъ, дня три, видно, всего, выгнали корову съ пятаго половина въ стадо,—смотритъ, а въ пять часовъ корова бѣжитъ, какъ угорѣлая, навадъ: онъ ей весь бокъ ободралъ. А то тоже: пошла женщина въ стадо корову доить; идетъ, а ей встрѣчу медвѣдь. Она бѣжать, онъ за ней. Да настрѣчу корова ему попалась, такъ онъ бабу-то бросилъ, а корову-то сгребъ. Совсѣмъ житья не стало—какъ балуетъ.

И гдѣ намъ не приводилось встрѣчаться съ жителями, вездѣ мы слышали жалобы на этого лакомку-медвѣдя.

— Что же ваши-то охотники смотрятъ? спрашивали мы, наслушавшись раньше, что въ здѣшнихъ краяхъ охотниковъ пропасть.

— Эхъ, захотѣли вы отъ нашихъ охотниковъ! отвѣчали жители. Здѣсь, что только вотъ пріѣзжіе когда, а наши-то и слыхомъ не слыхать.

Мнѣ это показалось нѣсколько страннымъ. Городъ, въ которомъ чуть не по площади гуляетъ медвѣдь, въ которомъ есть войска, есть офицеры,—и изъ этихъ же войскъ встрѣчный капралъ предлагаетъ заѣзжимъ охотникамъ съ двуствольными дробовиками «понюхать» медвѣдя. Чтб же дѣлаютъ ихъ винтовки? Частныхъ охотниковъ въ городѣ тоже очень много — мы ихъ сами видѣли; но при нашемъ небольшомъ и короткомъ знакомствѣ, мы не могли, не смотря на всѣ старанія, достать двухъ штуцеровъ (одинъ намъ предлагали) и должны были отказаться отъ рѣдкой звѣриной охоты.

Указывали намъ на нѣсколькихъ служащихъ въ городѣ, какъ на большихъ охотниковъ, у которыхъ есть дорогія двуствольныя скорострѣльныя винтовки, — но рядомъ разсказывали тоже, что когда имъ предложили устроить охоту на медвѣдя, то они ограничились тѣмъ, что показали свои дорого стоющія ружья и снова заперли ихъ въ ящики. Но, вѣдь, очень можетъ быть, что они и пріобрѣли свои ружья только для показу. Винить за это ихъ нельзя. А вотъ, что касается чисто военныхъ,—то нельзя не пожалѣть, что, живя въ такой глухой лѣсной мѣстности, богатой звѣремъ, они не пользуются охотой и не считаютъ дерущаго скотину медвѣдя ни внѣшнимъ, ни внутреннимъ врагомъ, противъ котораго стоило бы выступить для блага мѣстныхъ беззащитныхъ жителей.

Д. Л.

(Окончаніе будетъ).

ИЗЪ ЛѢТНИХЪ СКИТАНІЙ.

(Путевыя замѣтки).

Окончаніе (1).

IV.

Выѣздъ на Кивачъ. — Онежское и Лохмъ озера. — Рѣчка Шуя.—Деревни; писецъ Никита и подъячій Семенъ.—Волокъ на Кончозеро.—Прекрасный водный пейзажъ.—Восходъ солнца на озерѣ.—Кончозерскій заводъ.—Мѣстныя руды и горно-заводская дѣятельность.

Быть въ Петрозаводскѣ и не посмотрѣть Кивачъ, водопадъ на рѣкѣ Сунѣ, нельзя. Помимо этого, поѣздка въ глушь, за 60 верстъ отъ Петрозаводска, сулила также много оригинальнаго, и потому мы очень обрадовались, когда представился отличный случай добраться до Кивача и дешево, и пріятно.

Изъ Петрозаводска на Кивачъ есть два пути: почтовой дорогой и водой. Первый самый, конечно, простой и обыкновенный. Второй болѣе сложный, но за то гораздо разнообразнѣе. Съ другой стороны, при той обстановкѣ, при которой мнѣ случилось ѣхать тогда, онъ вышелъ хотя и продолжительнѣе, но за то несравненно дешевле, а это была не послѣдняя спица въ моей дорожной таратайкѣ во время странствованій по сѣвернымъ странамъ. Короче, я двинулся водой, на рыбачьей лодкѣ, въ большой компаніи молодыхъ людей. Мы ѣхали одни, т. е. безъ всякихъ наемныхъ гребцовъ, рулевыхъ и т. п.

Запасшись вволю провизіей и самоваромъ, мы сѣли въ простую рыбачью лодку, вмѣстимостью человѣкъ на двадцать слишкомъ, поставили паруса и въ четыре часа пополудни отчалили отъ берега Онежскаго озера. Вѣтеръ былъ свѣжій, боковой. Это радовало южанъ изъ нашей компаніи, привыкшихъ къ парусной ѣздѣ, и они, забравъ управленіе парусами и рулемъ въ свои руки, пошли поперекъ озера, къ селу Соломен-

(1) См. «Военный Сборникъ» 1876 г. № 11.

ному, расположенному въ проливѣ, гдѣ Онежское озеро соединяется съ Лохмозеромъ.

Онежское озеро или «Онего», какъ часто называютъ его, въ этомъ мѣстѣ очень красиво. Высокій противоположный берегъ Петрозаводской губы покрытъ веселой зеленью лѣса. Какъ разъ противъ Петрозаводска, верстахъ въ пяти по прямой линіи чрезъ озеро, лѣсъ прорванъ узкой водной полосой, и въ этомъ перерывѣ далеко виднѣется свѣтлая соломенская церковь, построенная на голомъ каменномъ холмѣ въ самыхъ воротахъ пролива. Правѣе церкви берегъ отходитъ все дальше и даетъ просторъ озеру, въ тоже время понижаясь къ водѣ и, наконецъ, на остромъ мысѣ, противъ раскиданныхъ Ивановскихъ острововъ, онъ врѣзывается въ озеро далекой мелкой косой. Дальше, за мысомъ и за островами, глазъ тонетъ въ безбрежной ширинѣ озера, улавливая линію его далекаго горизонта только по бѣлымъ, едва видимымъ парусамъ судовъ. Назади, эфектно облитый лучами спускающагося солнца, вырисовался Петрозаводскъ на зелени идущаго за нимъ лѣса и, благодаря общимъ краскамъ всей картины, даже онъ красивъ съ этой точки и въ эту пору, и не бьетъ въ глаза своей голой бѣдностью.

Надулись паруса, накренилась легкая лодка направо. Свѣжая волна, разбившись о лѣвый бортъ, время отъ времени обдаетъ брызгами и урчитъ, переливается подъ носомъ быстро рѣжущей воду лодки. Молодежь завалилась на дно, и едва торчатъ изъ подъ нижняго края парусовъ ихъ высматривающія головы. Нѣкоторымъ, непривычнымъ къ такой ѣздѣ, даже жутко стало среди этого широкаго волнующагося озера. Но хохлы сидятъ спокойно, улыбаются скорому ходу, радуются волнѣ.

— А що, давирнычить подъ носомъ?

— Давирнычитъ, та й ще якъ и добре! слышатся ихъ довольныя рѣчи.

Озеро перелетѣли живо. Къ сожалѣнію, съ вступленіемъ въ слѣдующее, вѣтеръ перемѣнился и сталъ слабѣе, такъ что нашимъ мореходамъ не удалось долго «лагодыть» около парусовъ, а пришлось скоро взяться за весла.

Соломенное пользуется у петрозаводцевъ особеннымъ почетомъ: это лучшее мѣсто ихъ прогулокъ по праздникамъ, когда всѣ окрестные берега и самая скала, на которой стоитъ церковь, покрываются народомъ. Не обходится и безъ того, чтобы не закинули нѣсколько тоней на счастье: не попадется ли лосось хорошая. Церковь стоитъ тутъ уже почти триста лѣтъ (съ 1592 года, когда тутъ построили монастырь). Выглаженная и вышлифованная временемъ скала подъ ней изъ «соло-

менской» брекчіи дѣйствительно красива и дала не мало отъ себя осколковъ на разныя небольшія украшенія и подѣлки.

Мы вступили въ рѣчку Шую, всю запруженную бревнами. Гонка лѣса здѣсь по малымъ рѣчкамъ ведется бревнами, которыя задерживаются передъ вступленіемъ въ большія озера и вяжутся уже въ плоты. Шуя для здѣшнихъ мѣстъ имѣетъ не малое значеніе: она вытекаетъ изъ Шуезера и соединяется съ Укшезеромъ, составляя «чугунную» дорогу, т. е. путь движенія лодокъ съ чугуномъ въ Петрозаводскъ. Шуя довольно быстрая рѣчка, часто застроенная деревнями, и въ одномъ мѣстѣ имѣющая на столько сильные пороги, заваленные камнями, что лодку пришлось взять на бичеву и провести версты съ полторы, двѣ. Здѣшнія деревни ставятся очень широко, не стѣсняясь мѣстомъ, такъ что иногда деревня состоитъ какъ бы изъ многихъ отдѣльныхъ поселковъ или хуторовъ, растянутыхъ на цѣлыя версты. Это общій характеръ олонецкихъ поселковъ: черезъ версту, двѣ, встрѣчаешь три, четыре избы, стоящія совершенно особнякомъ и имѣющія свое особое названіе, данное имъ съ вѣтру, что очень характерно изображено въ сохранившемся еще съ 1628 года разсказѣ о заонежскихъ деревенькахъ. Сбитые съ толку этой пропастью своихъ поселковъ, жители сами командировали нѣкоего писца Никиту Панина, съ подъячимъ Семеномъ Копыловымъ, причемъ Никита, «по слову мірскому, набранъ былъ налагать имена и прозвища на этыи села...» И подъ игривою рукою писца живо появились разные «Воробьи» (поселокъ, гдѣ вспорхнула передъ писцомъ стая воробьевъ), «Солдатово» (по встрѣчному мужику въ армякѣ, похожемъ на солдатскую шинель), «Шляпино» (гдѣ первый встрѣчный шелъ въ шляпѣ) и т. п. Село Шуя состоитъ изъ 15 отдѣльныхъ поселковъ.

Уже поздней ночью мы доѣхали до волока изъ Укшезера въ Кончозеро. Перешеекъ, черезъ который нужно перетащить лодку, не великъ, не болѣе саженъ 50—60, какъ разъ около станціи Касалмы, стоящей въ этомъ мѣстѣ, такъ какъ тутъ же проходитъ и почтовая дорога въ Кончозерскій заводъ. Волокъ этотъ давнишній, составляющій, такъ сказать, коренной «трактъ» рыбаковъ и чугуна изъ Кончозерска въ Петрозаводскъ, и потому тутъ имѣются нѣкоторыя приспособленія, въ родѣ катковъ, и даже нѣчто подобное двумъ пристанямъ. При помощи уложенныхъ катковъ, пятнадцати парамъ молодыхъ рукъ не представилось, конечно, особенныхъ затрудненій перетянуть лодку по суху, тѣмъ болѣе, что подъемъ и не великъ, и не крутъ.

Такимъ порядкомъ, черезъ полчаса времени, въ которые мы успѣли оплести нѣсколько здоровыхъ баковъ молока (здѣсь держатъ молоко не

въ кринкахъ, а въ деревянныхъ бакахъ, напоминающихъ наши банныя шайки) на станціи, мы уже ѣхали по Кончозеру. Было часа два съ половиною ночи или, вѣрнѣе, утра, такъ какъ такое свѣтлое время иначе назвать трудно.

Въ воздухѣ замѣчательно тихо. Озеро стоитъ недвижимое и ровное, какъ застылый металъ. Ни малѣйшаго дыханія, ни единаго движенія, никакого звука. Точно на всемъ лежитъ волшебное оцѣпенѣніе, сказочный дивный сонъ. Казалось, мы въѣхали въ одно изъ тѣхъ подземныхъ озеръ, о которыхъ разсказывается въ волшебныхъ сказкахъ. На небѣ ни малѣйшаго признака облаковъ, никакого намека на солнце, на зарю, а вмѣстѣ съ тѣмъ такъ свѣтло. Какъ будто даже самого неба нѣтъ—такъ оно ровно, прозрачно, тихо свѣтится. Никакихъ тѣней, никакого видимаго источника свѣта. Кажется, свѣтъ выходитъ отовсюду, проникаетъ все, какъ тончайшая самосвѣтящаяся матерія, до того одинаковъ и мягокъ онъ вездѣ. Едва замѣтный голубой оттѣнокъ неба, окунувшись въ озеро, окрасилъ его чуднымъ, нѣжно-молочнофарфоровымъ цвѣтомъ. Далеко, въ туманную даль, разлилось это расплавленное стекло, этотъ гигантскій полированный опалъ, съ едва уловимыми отливами. И на этой чудной, мертвой, своеобразно прозрачной поверхности незамѣтно тихо плывутъ острова, всѣ заросшіе лѣсомъ. Одинъ островъ, два, три, за ними еще рядъ, налѣво, направо, всюду—острова и острова, маленькіе, большіе, еще больше, всѣхъ величинъ, еще, и еще — десять, двадцать... *триста шестьдесятъ пять* острововъ!

Всѣ они тянутся лентами въ нѣсколько рядовъ, одинъ за другимъ, то кучно, то рѣдко, то ровно, то разбросанно, но всѣ въ одномъ неизмѣнномъ направленіи, съ сѣвера на югъ. Только *одинъ* легъ, наперекоръ всѣмъ, поперекъ, и прозванъ за это «Дуракомъ». Вотъ огромная каменная гряда выставилась неровными зубцами изъ воды и вытянулась длиннымъ горбомъ, верхъ котораго весь заросъ лѣсомъ; а бока совсѣмъ голые, изъ рябаго гранита, по которому только въ трещинахъ раскинулся жилами мохъ и рѣдкіе кустики травки. Дальше, другой островъ, тоже горбатый, тоже каменный, но весь сплошь закрытый густой древесной растительностью. Направо топкая полоска земли, какъ плавучій наносъ, какъ плотъ, едва на четверть выдающійся изъ воды,—низкій, ровный, весь заросшій сочной травой лугъ, изъ средины котораго торчатъ нѣсколько разорванныхъ группъ деревьевъ. А впереди, какъ разъ противъ носа лодки, высоко изъ воды выставилась огромная, неправильная гранитная глыба и на ней только двѣ березки: точно послѣ недавняго крушенія выплыли на первый камень и забрались съ перепуга повыше. Внизу цѣлое кольцо рѣдкаго камыша охватило глыбу. Нѣтъ

числа разнообразію и капризамъ въ формахъ всѣхъ раскидавшихся здѣсь острововъ, смѣлости и неожиданности очертаній и переходовъ въ лѣсныхъ групахъ, покрывающихъ эти острова. Какъ будто какая-то всесильная и капризная рука схватила цѣлый лѣсъ, со всѣми его каменными грядами, скалами и валунами, вынесла его высоко-высоко надъ ровное чистое озеро, отражавшее только одно такое же чистое небо, и вдругъ, встряхнувши этотъ лѣсъ, какъ легкую игрушку, рука раскрылась. Разорванныя клочья лѣса полетѣли, распластавшись въ воздухѣ, какъ перья; подхватилъ ихъ вѣтеръ могучій и уложилъ полосами по озеру....

Дивно хорошо было это озеро, чудно прекрасны эти острова, этотъ застылый воздухъ, этотъ прозрачный мягкій свѣтъ неба, которое тонкимъ туманомъ спускалось на все, сливалось со всѣмъ и дѣлало эту панораму такой сквозной, своеобразно свѣтлой, воздушной, тонко прозрачной. Но все это былъ сонъ, все это было мертво и неподвижно, безжизненно воздушно, какъ чудная туманная картина волшебнаго фонаря. Тутъ недоставало одного — жизни, звуковъ, движенія.

Но вотъ легкая, едва замѣтная зыбь пронеслась неслышно по озеру. Туманъ сталъ улетать, нечувствительно смываться, и на мѣсто его начали выступать все рѣзче и рѣзче тѣни. Расправила спросонья лѣниво-широко свои длинныя бѣлыя крылья чайка на голомъ камнѣ, взмыла въ воздухъ и, сдѣлавъ крутой поворотъ на одномъ мѣстѣ, точно смертельно раненая, пала внизъ и снова тихо опустилась на тотъ же камень, мягко, беззвучно пробалансировавъ на росно распущенныхъ крыльяхъ: охота ей еще потомиться въ предутренней дремотѣ. Высокій дальній крикъ другой чайки звонко пронесся надъ застывшей картиной и разбудилъ утро. Тонкое зарево почуялось глазу на востокѣ.

Двѣ пары сильныхъ веселъ мѣрно рѣдко бьютъ о бортъ и легко въ тактъ всплескиваютъ разомъ воду. Ровно, не качаясь, скользитъ лодка по чудной, прозрачной водѣ озера, проводя за собой, какъ у ласточки, двойной хвостъ зыби, уходящей все дальше и дальше, шире и шире. Тонутъ въ водѣ гранитныя стѣны мимо бѣгущихъ острововъ, тонутъ лѣса, стоящіе на этихъ стѣнахъ; а подъ ними глядятъ другія стѣны, другіе лѣса, такіе же, какъ и эти, но повисшіе вверхъ макушками въ необъятной глубинѣ отражающагося неба. Около самой лодки, внизу, въ кристальной неподвижной влагѣ стоитъ и плавно качается другой новый лѣсъ: своеобразный, тонкій, студенистый, спирально завитой, усатый, ленточный подводный лѣсъ водорослей. Огромные камни дна, покрытые тиной и губчатой сквозной зеленью, съ каждымъ моментомъ мѣняютъ

свои размѣры, форму и кажутся идущими вруто въ пропасть, по мѣрѣ движенія глаза внизъ подъ лодку.

На лодкѣ легкой струйкой дымитъ поставленный самоваръ, вокругъ котораго съ великими заботами хлопочетъ наработавшійся народъ. Нѣсколько человѣкъ спятъ на днѣ лодки и на лавочкахъ по бортамъ. Въ носу, за мѣрно взмахивающими гребцами, укромно свернулось чье-то сѣрое пальтишко и еще экономнѣе свернулись торчащія изъ подъ него ноги.

Все шире загорается зарево, все болѣе оживаетъ день. Такъ же мѣрно, въ тактъ ударяютъ весла, но лодка идетъ все тише и тише: безсонная ночь отзывается на усталыхъ рабочихъ рукахъ. Впереди передъ лодкой, на приличномъ разстояніи, спокойно плыветъ широкой цѣпью стая гагаръ, время отъ времени осторожно поворачивая на бокъ черныя большія головы. Дальше за ними что-то бѣлѣетъ: это Кончозерскій заводъ, стоящій въ сѣверномъ углу одного изъ живописнѣйшихъ здѣшнихъ озеръ. Длина Кончозера 20 верстъ.

Въ заводъ мы пріѣхали въ шесть часовъ утра.

Кончозерскій заводъ — одинъ изъ тѣхъ трехъ казенныхъ заводовъ, которые доставляли съпздавна главное количество матеріала для Александровскаго завода, а въ послѣднее время (съ закрытіемъ доменъ въ Петрозаводскѣ) приняли на себя всецѣло выплавку чугуна изъ рудъ. Появленіе этихъ заводовъ прямо обусловливалось характеромъ рудныхъ богатствъ Олонецкаго края. Руды, разработываемыя здѣсь, принадлежатъ къ озернымъ рудамъ, которыя хотя и отличаются легкой добычей и легкоплавкостью, но за то процентное содержаніе въ нихъ желѣза весьма невелико, а главное—самыя мѣсторожденія этихъ рудъ на столько небогаты, что сосредоточеніе разработки ихъ въ одной мѣстности, въ болѣе или менѣе большихъ размѣрахъ, ведетъ къ быстрому истощенію. Поэтому, или дѣятельность завода должна идти въ слишкомъ скромныхъ размѣрахъ, или же раіонъ добычи рудъ долженъ быстро разростаться-что, при отсутствіи въ краѣ путей сообщенія, затруднлетъ серьезнымъ образомъ доставку руды на заводы и возвышаетъ стоимость продукта. Въ лучшую пору дѣятельности олонецкихъ заводовъ, когда директоромъ ихъ былъ Бутеневъ (1843—1859 гг.), количество выплавляемаго чугуна было среднимъ числомъ 196,000 пуд. въ годъ, т. е. на одинъ заводъ приходилось около 50,000 пуд. — цифра весьма скромная. Всѣ частные заводы, существующіе теперь въ Олонецкомъ краѣ (1), полу-

(1) Каковы, напримѣръ: древній Усланскій — нынѣ желѣзоковательный Петрова, въ 35 верстахъ отъ Лодейнаго Поля; желѣзодѣлательный Воронова и желѣзокова-

чаютъ всѣ матеріалы, т. е. чугунъ, желѣзо и каменный уголь, изъ Петербурга, пользуясь на мѣстѣ одними только дровами. Правда, существуютъ прямыя указанія на присутствіе въ нѣдрахъ земли прекрасныхъ образцовъ желѣзныхъ рудъ въ такъ называемыхъ коренныхъ горныхъ мѣсторожденіяхъ (желѣзный блескъ, красный желѣзнякъ), но до сихъ поръ тѣ немногія изысканія, которыя тамъ дѣлались, не натолкнули еще (а каково въ здѣшнихъ мѣстахъ «толкаться» изыскателю—читатель увидитъ дальше) на залежи, годныя по своей мощности для разработки, а по большей части открывали только незначительные и оторванные прослойки и клинья. Такъ что пока заводамъ приходится довольствоваться существующими первобытными, но за то дешевыми способами добычи озерныхъ рудъ и ограничиваться нешпрокими операціями. Что касается до неметаллургическихъ заводовъ, то судьба ихъ также незавидная. Казенный Тивдинскій мраморный заводъ (ломки въ Петрозаводскомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ), работавшій для Петербурга полстолѣтія, закрылся и предлагался долгое время въ аренду. Мѣлоплавильный заводъ Зининой вырабатывалъ въ годъ лишь до шести съ небольшимъ тысячъ пудовъ мѣлу. И, кажется, только одна разработка шокшинскаго песчаника идетъ болѣе удачно.

Весь Кончозерскій заводъ состоитъ изъ небольшаго кирпичнаго зданія, въ которомъ помѣщена одна доменная печь, съ воздуходувной машиной самаго древняго, простѣйшаго устройства. Около завода, вокругъ небольшаго залива, угломъ идутъ въ одинъ порядокъ десятка полтора избъ и дома, въ которыхъ помѣщается заводская администрація. Верстахъ въ четырехъ село съ небольшой церковью. На Петровъ день тамъ праздникъ и нѣчто въ родѣ ярмарки и народнаго гулянья.

Рабочую силу заводъ получаетъ изъ Пертъ-Наволоцкаго озера, лежащаго саженяи на четыре выше Кончозера. Смотрѣть на заводѣ совсѣмъ нечего, кромѣ развѣ многочисленныхъ образцовъ окружныхъ озерныхъ рудъ, привозимыхъ сюда по зимамъ съ мѣстъ добычи, за 50, даже за 100 верстъ отъ завода, и сложенныхъ кучами по сортамъ—отъ мелкой, похожей на бекасинникъ, съ Сундозера, до крупныхъ лепешекъ укшезерскаго мѣсторожденія. Производительность завода ограничивается среднимъ числомъ 45,000 пуд. чугуна.

Пертъ-Наволоцкое озеро составляетъ продолженіе водянаго пути на Кивачъ (хотя есть и другой—по р. Сунѣ), и нашей лодкѣ пришлось выдержать еще одинъ волокъ.

тельный Куйтежскій (оба на р. Мергетѣ); желѣзодѣлательный и колоколивный Пикіева, на Обжѣ, чугунолитейный Машина, на ручьѣ Бѣломъ.

V.

Путь отъ Кончозерскаго завода до Кивача.—Похожъ ли Кивачъ на то, какъ описалъ его Державинъ? Картина водопада, его детали, павильонъ и рѣка Суна. — Личныя впечатлѣнія.—Населенность этой мѣстности и два слова о верхнихъ сускихъ водопадахъ.

Еще небольшая рѣчка или озерный протокъ, еще озеро, небольшое, чистое, замкнутое со всѣхъ сторонъ горами и лѣсомъ, спускающимся до самой воды,—и мы у деревни Викшица. Отсюда пять верстъ лѣсной дорогой до рѣки Суны.

Мы пошли пѣшкомъ.

Дорога узенькая, проселочная, хотя съ верстовыми столбами — отъ 1-го до 5-го, упирающагося прямо въ рѣку. Дальше хода нѣтъ. По дорогѣ ростетъ трава, слабо выбиты колеи — видимо трактъ не изъ бойкихъ. А между тѣмъ онъ ведетъ къ одному изъ лучшихъ водопадовъ, на которомъ построенъ павильонъ для осмотра одного изъ мѣстныхъ дивъ природы—Кивача.

Крикнувъ полными грудями хоровое «лодку!», мы сѣли на берегу рѣки, съ полверсты ниже водопада, о существованіи котораго ясно говорили и шумъ, и сплошь вспѣненная рѣка.

Черезъ четверть часа, перевезенные женой сторожа въ «утлой ладьѣ», по трое, на ту сторону, мы взбирались на крутой берегъ Суны, гдѣ она обрывается съ порога. Наконецъ, мы у самаго Кивача....

Алмазна сыплется гора....
Съ высотъ четыремя скалами....

вспомнились мнѣ почему-то державинскіе стихи, хотя я, въ противность поэту, и не находилъ ничего сходнаго въ бывшей передо мной картинѣ ни съ горой, ни съ сыплющимися алмазами. Не знаю, какъ другимъ, но мнѣ водопадъ показался вовсе не такимъ грандіознымъ, какъ обыкновенно про него разсказывали. Напротивъ, положеніе водопада настолько сжато, въ уголочкѣ такъ сказать, онъ такъ необыкновенно красивъ въ своихъ каменныхъ тѣсныхъ рамкахъ, что вовсе не производитъ впечатлѣнія чего-то ужаснаго, страшнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что будь онъ шире и открытѣе—онъ выигралъ бы въ силѣ и можетъ быть въ эффектѣ падали. Но, большой вопросъ, не проигралъ ли бы онъ тогда въ своихъ деталяхъ и теперешней своеобразности, и не сталъ ли бы походить на плотину во время половодья, когда вода бросается чрезъ верхъ. Дѣйствительно, какъ мнѣ кажется, Кивачъ беретъ именно этой своей оригинальностью. Это не сплошной каскадъ Иматрскихъ пороговъ, а также и не широкій обрывъ, напоминающій пляжъ. Картина Кивача совершенно самобытна, и въ этомъ ея сила и красота.

Представьте себѣ совсѣмъ мирную, но очень быструю и глубокую рѣку, выбѣгающую прямо на васъ изъ лѣсу. Какъ разъ у вашихъ ногъ она встрѣчаетъ гряду камней, пробѣгаетъ между ними, съужи-вается, и вдругъ обрывъ — разомъ, неожиданно, круто внизъ. Первая ступень не высока, будто для разбѣгу; за ней вторая — огромный, ди-ко-шумный прыжокъ на новую ступень и, наконецъ, въ тѣсный ко-телъ, на камни (четвертаго порога не замѣтилъ). Водяная масса вся разбивается на мельчайшія бѣлыя капли еще на первой ступени и слетаетъ внизъ, какъ тонко взбитая мыльная пѣна. Весь прыжокъ, на глазъ, не менѣе десяти саженъ (1). Но это не весь Кивачъ, не вся рѣка. Въ этомъ мѣстѣ обрывается только бо́льшая ея половина. Остальная вода падаетъ правѣе (я говорю такъ, если стоять противъ водопада), по крутой скалѣ, вдоль которой въ нѣсколько рядовъ идутъ гряды выступовъ, въ родѣ желобовъ, отчего образуется четыре или пять параллельныхъ каскадовъ. Вся эта правая половина водопада по-вернута къ первой подъ нѣкоторымъ угломъ, такъ что вся вода рѣки, разбитая обрывомъ и скалой, внизу встрѣчается въ одномъ общемъ котлѣ, глубокомъ и тѣсномъ.

Въ этой-то скалѣ и въ ея поворотѣ и заключается вся красота Кивача, все разнообразіе этой вѣчно прыгающей, вѣчно шумящей и дро-бящейся на милліоны фигурныхъ брызгъ картины. Главная масса воды, прижатая съ лѣвой стороны отвѣсной голой стѣной гранита, страшно бушуетъ и бьется, ревetъ и вскидываетъ временами столбы воды на первой ступени, неудержимо несется, какъ снѣжная лавина съ горъ и, наконецъ, кипитъ ключомъ и крутится внизу въ котлѣ. А рядомъ съ этой дикой и буйной силой, рядомъ съ пугающей ревущей массой, словно прелестная игрушка, стоитъ скала и сыплется чуднымъ бѣлоснѣжнымъ дождемъ своихъ каскадовъ, необыкновенно эфектно прыгающихъ по чер-нымъ острымъ выступамъ скалы. Въ нихъ такъ все мило, такъ мелко— до послѣдней струйки—прелестно, такъ нѣжно и безконечно разнообразно во всѣхъ живыхъ деталяхъ картины, что лучшаго контраста съ пер-вой половиной водопада не найти.

Тотъ же контрастъ и въ самой обстановкѣ, въ рамкахъ Кивача. Слѣва высокая огромная и гладкая отвѣсная стѣна гранита, почернѣв-шая отъ сырости. Наверху лѣсъ и бѣлая сосновая скамейка. Справа скала оборвалась и, разлетѣвшись на куски, осыпалась неровно къ самой водѣ, въ видѣ ступеней. Надъ этой природной и затѣйливой лѣстницей изъ каменныхъ глыбъ, на краю самаго обрыва, стоитъ легкій круглый павильончикъ, съ мезониномъ и балконами въ сторону водопада. Зелень

(1) На самомъ дѣлѣ онъ значительно менѣе, а именно, шесть саженъ.

окружающихъ его деревьевъ кутаетъ на половину самый павильонъ, который кажется полувисящимъ надъ обрывомъ. Узкимъ, глубокимъ и взволнованнымъ проливомъ проходятъ воды Суны между лѣвой стѣной и обрывомъ съ павильономъ, и вдругъ становятся опять такой же широкой лѣсной рѣкою, какой она была до водопада. Только сплошная накипь пѣны, обратное теченіе всей правой половины рѣки, да взмыленные берега указываютъ, какую гигантскую работу совершила она при своемъ паденіи у Кивача, какъ страшно билась и металась на каменномъ порогѣ и въ тѣсномъ котлѣ подъ водопадомъ.

Видъ съ балкона на Кивачъ прекрасенъ. Главный водопадъ является на заднемъ планѣ, въ глубинѣ картины. Передній планъ — слѣва огромная и темная стѣна, направо — чудеса прелестнѣйшихъ каскадовъ. Получается дѣйствительно совершенно цѣльная, законченная картина, въ которой ни что не теряется, все видно разомъ, и на самомъ выгодномъ разстояніи.

Но, не смотря на всѣ удобства балкона, невозможно утерпѣть, чтобы не спуститься ниже, по камнямъ, почти къ самой водѣ. Хотя этотъ спускъ, довольно таки неловокъ, такъ какъ приходится карабкаться и прыгать между огромными и острыми камнями, но за то, съ крайняго камня, висящаго надъ водой, видъ на Кивачъ пріобрѣтаетъ совершенно особенный характеръ. Эта близость къ водѣ, этотъ жесткій камень вмѣсто стула, сейчасъ же впереди летящій высоко сверху, водяной песокъ каскадовъ, эта едва замѣтная влажная пыль, садящаяся на лицо и руки, весь этотъ сборный шумъ воды, густо сбитый внизу и, наконецъ, какое-то неясное дрожанье самыхъ камней,—все это вмѣстѣ точно вводитъ и самого въ жизнь той картины, которою любовался сверху, съ балкона, какъ посторонній наблюдатель.

И долго можно сидѣть тутъ внизу, сидѣть безмолвно, въ одиночку, безъ устали смотря на нѣжныя живыя краски водопада, не утомляясь слушать его своеобразный шумный говоръ, сидѣть безцѣльно, бездумно, совсѣмъ забывшись, отрѣшась отъ суеты и заботъ міра, сидѣть въ какомъ-то чудномъ полуснѣ, всецѣло отдавшись обаятельному отдыху всѣхъ силъ души.

Ровный, сильный шумъ воды огромнымъ сплошнымъ сводомъ покрываетъ всѣ остальные окружающіе звуки. Но, заслонивъ весь остальной міръ звуковъ, онъ не угнетаетъ слуха, не дѣлаетъ его тупымъ: ушамъ остаются цѣлыя міріады звуковъ, тонкихъ, нѣжныхъ, льющихся, гурлящихъ и поющихъ вмѣстѣ какую-то волшебную туманную былину безъ словъ, подъ тихіе неуловимые акорды своеобразныхъ инструментовъ. Огромной, крутящейся бѣлой занавѣсью забралъ все водопадъ

передъ глазами. Его величина и сила, быстрота и непрерывность, безконечность этого огромнаго движенія убиваетъ все остальное и, противъ воли, приковываетъ къ себѣ взглядъ. Глаза не утомляются смотрѣть на эту ровную безтѣневую почти массу; ихъ не рѣжетъ и не колетъ ни одинъ контрастъ, ни одна рѣзкость. Но это и не безоблачное небо, гдѣ нервы глаза парализованы однимъ голубымъ тономъ, отсутствіемъ матеріала. Въ этой бѣгущей прозрачной бѣлой массѣ столько жизни: взлетаетъ клочьями лебяжій пухъ, струятся, сыплятся прозрачныя снѣжинки, родятся разомъ цѣлые фонтаны, цвѣты, гирлянды, чудныя фигуры и узоры изъ матоваго хрусталя, изъ бѣлой тонкой пѣны и мельчайшихъ брызгъ; родятся и черезъ мгновенье тонутъ одни въ другихъ, гибнутъ, таятъ, чтобы тутъ же родиться снова, еще затѣйливѣе, фантастичнѣе, прозрачнѣе, снѣжнѣе, тоньше и разнообразнѣе, еще запутаннѣе и неожиданно-прекраснѣй....

И разъ попавъ въ эту своеобразную атмосферу звуковъ и фигуръ, пріѣзжій человѣкъ какъ-то захватывается ими, отдается безотчетно ихъ манящему въ безконечность обаянью, и долго-долго сидитъ недвижно на камняхъ, покуда вечерній холодъ и очнувшіяся послѣ жара міріады комаровъ не выведутъ его изъ міра фантазіи въ дѣйствительность, съ горячимъ самоваромъ въ павильонѣ и съ «литками» (родъ ватрушекъ, гдѣ вмѣсто творогу пшено), единственнымъ запасомъ въ буфетѣ сторожихи.

О самомъ павильонѣ много говорить мнѣ не придется. Онъ выстроенъ по поводу пріѣзда Государя на Кивачъ, въ 1858 году, и съ тѣхъ поръ сохраняетъ за собой названіе «Императорскаго», хотя, благодаря любезности мѣстныхъ властей, всѣ посѣтители Кивача допускаются въ него для обозрѣнія водопада и, такимъ образомъ, павильонъ не остается запертой и недоступной бесѣдкой; напротивъ, онъ весьма кстати въ этой пустынной, безлюдной мѣстности открытъ для посѣтителей (1), которые хоть на время могутъ забыть, что здѣсь въ странѣ этого чуднаго водопада—глушь, безлюдье и медвѣжьи дебри, въ которыя лишь нарѣдка заберется любитель-путешественникъ и поторопится затѣмъ, какъ можно поскорѣе, убраться назадъ изъ этихъ прекрасныхъ живописныхъ мѣстъ. Весь павильонъ состоитъ изъ круглаго зальца, комнатки съ передней и мезонинчика. Отдѣлка очень проста, меблировка—садовая. При немъ построена отдѣльно маленькая кухня. Внизъ, къ самой Сунѣ, сбѣгаетъ широкая лѣстница и сдѣлана пристань. На пригоркѣ

(1) Чтобы имѣть право на входъ въ павильонъ, необходимо запасаться билетами въ Петрозаводскѣ.

сторожка съ женатымъ сторожемъ. Вотъ всѣ постройки около Кивача, всѣ жители этой прекрасной рѣдкой мѣстности!

Выше Кивача, по той же Сунѣ, есть еще не одинъ водопадъ, какъ говорятъ, превосходящіе красотой Кивачскій, но очень рѣдко посѣщаемые кѣмъ либо, по дальности своего положенія въ лѣсной глуши. Ближайшій изъ нихъ недавно заставилъ говорить о себѣ, благодаря тому, что въ немъ погибло два крестьянина, переѣзжавшіе рѣку на плотѣ. Ниже водопада, какъ и у Кивача, существовалъ небольшой плотъ съ веслами, для перевѣда черезъ рѣку. Оплошали ли мужики, заглядѣвшись на водопадъ, или не знали хорошенько направленія теченій въ рѣкѣ — Богъ знаетъ, но только водоворотъ около водопада затянулъ плотъ такъ, что сладить съ обратнымъ теченіемъ рѣки они не могли и ихъ втащило въ самый котелъ. Одного удара низвергавшейся съ порога воды было достаточно, чтобы плотъ былъ перевернутъ, и ни одинъ изъ мужиковъ не показался болѣе на верху. На другой или на третій день трупъ одного прибило къ берегу. Другаго не нашли вовсе, и предполагаютъ, что онъ былъ забитъ водой въ камни на днѣ котла, подъ водопадомъ.

VI.

Охотничій задоръ.—Первое знакомство съ олонецкими лѣсами.—«Прямикомъ» и по каменной дорогѣ.—Коварная тропа и всѣ мечты, разбитыя въ болотѣ. — Что такое олонецкій моховикъ?—Муки и неожиданное счастье. — Нѣкоторыя данныя о лѣсахъ и озерахъ Олонецкаго края.

Такая огромнѣйшая площадь сплошныхъ лѣсовъ, такое обиліе воды, такія картины, какъ видъ застывшаго Копчозера, или бѣшенаго Кивача, столько разсказовъ и столкновеній съ мѣстными охотниками... Этого слишкомъ много, чтобы не подкупить страстнаго охотника, попавшаго впервые въ этотъ край, въ пользу адѣшнихъ мѣстъ. Такъ и подмываетъ уйти, окунуться въ эти мѣста, забраться въ сердце лѣса, взглянуть на то, что дѣлается тамъ, внутри. Ужъ если тутъ, на дорогѣ, и такая прелесть,—то что же въ сторонѣ, гдѣ мѣсто не избито, нетронуто, и дышетъ еще своей уберегенной чистотой? Тамъ, что ни шагъ, то новыя картины, своеобразіе и роскошь дѣвственнаго лѣса...

Словомъ, каждый лишній день, каждый новый шагъ среди этихъ лѣсовъ, все съ бо́льшей силой заманивали охотничью душу забраться въ глубь, налюбоваться, наглядѣться на ея жизнь, извѣдать, наконецъ, рѣдкой охоты въ глуши этихъ нетронутыхъ, спокойныхъ мѣстъ. Пропустить такой случай было совершенно невозможно.

Да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ. Вотъ хоть бы вчера, по дорогѣ къ Кивачу. Идешь по узенькой лѣсной дорожкѣ. По обѣ стороны тянется

лѣсная чаща. То и дѣло небольшія балки съ березнякомъ, начало какого-то болота, холмъ съ рѣдкимъ сосняком, перелѣсокъ, кусочикъ моховика, по краю сплошь заросшаго ягодой. Чего стбитъ охотнику, у котораго за плечомъ двустволка, а впереди надежный сетеръ, удержаться, чтобы не заглянуть въ эти кусты, чтобы не дать уйти собакѣ въ этотъ перелѣсокъ!

— Да, мѣста надежныя, повидимому, совершенно спокойно обсуждаютъ стрѣлки вопросъ: мѣста коренныя, ничего мѣста. Посмотрѣть не дурно, стбитъ.

И вспоминаетъ горячее сердце сегодняшнюю встрѣчу утромъ съ туземнымъ охотникомъ, что предлагалъ купить у него двѣ пары тетерекъ и пару кряквъ. «Тутъ, гдѣ угодно ступай, дичи вездѣ есть. Дичи много. И рябки, и тетерьки, и мошникъ (глухарь) есть, и бѣлая куропатка есть—та только что въ болотѣ... И эти есть, что вы спрашиваете, бекасы... Есть, есть. И дупель тоже самое. Только что у насъ ихъ не бьютъ вовсе,—а то есть, много летаетъ... Знаю, какъ не знать—хошь мы ихъ и не бьемъ, а знаемъ — есть и вальдшнинъ, по нашему вилюкъ зовется.... Тутъ дичи есть....» припоминались спокойные отвѣты его и другихъ, встрѣченныхъ охотниковъ. Да оно такъ и должно быть....

Вдругъ вправо отъ дороги раздалось форканье тяжелыхъ крыльевъ, заклоктала матка, зафоркали потоньше на взлетѣ и молодяки; между деревьями мелькнула ринувшаяся слѣдомъ бѣлая собака.

— Вѣдь вотъ каналья: не доглядѣли за ней—у ней сейчасъ и охота ужъ готова! притворно сердится охотникъ на собаку, поднявшую саженяхъ въ двадцати отъ дороги выводокъ тетеревовъ, — а самъ готовъ сейчасъ же начать охоту, да только поздно, надо торопиться на Кивачъ.

Но и на Кивачѣ онъ не позабылъ этого взлета; даже на всякій случай замѣтилъ, около которой версты поднялся выводокъ....

На завтра утромъ, когда еще всѣ спали подъ шумъ водопада, двое охотниковъ шли обратно по вчерашней дорогѣ, выбирая только мѣсто, съ котораго удобнѣе свернуть въ лѣсъ.

Меня поймутъ только охотники (беру удачное слово Аксакова), съ какимъ торжественнымъ и сосредоточеннымъ видомъ мы переглянулись, взяли вправо, сняли съ перевязей ружья и пригласили привычнымъ свистомъ собаку открыть генеральную охоту.

«Леди» рѣзво взглянула на охотниковъ своими умными огромными глазами, состроила серьезную рожу и пошла впередъ по всѣмъ правиламъ цивилизованной охотничьей собаки.

Не безъ искусства двинулись за ней и охотники....

Отъ этого веселаго и многообѣщающаго начала охоты я прямо пе-

рейду къ тому, что вскорѣ мы незамѣтно сбились съ направленія, свернули налѣво, чтобы выйти опять въ дорогѣ, и черезъ часъ признали себя окончательно заплутавшимися. Разсчетъ нашъ былъ слишкомъ простъ: идти вдоль дороги, которая черезъ пять верстъ должна привести насъ къ другой, идущей поперекъ, а за ней мы должны были упереться въ Пертъ-Наволоцкое озеро, на которомъ стоитъ деревня Викшица и наша лодка.

Повидимому, и разстояніе, и положеніе дороги ручались за легкость, съ которой мы или встрѣтимъ дорогу, или, пройдя ей параллельно лѣсомъ, упремся все-таки въ то же озеро. Поэтому, забравъ лѣвѣе, мы двинулись лѣсною чащей, безъ всякой мысли, что насъ ожидаетъ, и съ разсчетомъ сдѣлать, въ самомъ худшемъ случаѣ, лишь нѣсколько лишнихъ верстъ крюка.

Но я былъ знакомъ раньше только съ лѣсами средней полосы Россіи и положительно не зналъ, что значитъ пойти «прямикомъ» по сѣверному олонецкому лѣсу. Мы сдѣлали не много верстъ, но усталость уже начала серьезно сказываться. Лѣсъ съ каждымъ шагомъ ставилъ намъ баррикады, засѣки, завалы, волчьи ямы — всѣ лѣсныя преграды, точно мы шли на непріятеля, рѣшившагося ни за что не пропустить насъ чрезъ этотъ лѣсъ. Гигантскія деревья, вырванныя съ корнемъ бурей, уставивъ во всѣ стороны вѣтвями, лежали поперекъ пути. Мелкій, полусгнившій сухопадъ, валежникъ, сбитый ворохами, ломался подъ ногой и заставлялъ хвататься за деревья. Кучи камней, полузаросшихъ мхомъ; непролазная чаща, съ застрявшими въ ней сваленными стволами, смѣнялись гнилыми пнями въ полумокрыхъ ямахъ. Опять завалы, снова путаница «лома», и такъ безъ конца. Все время двигаешься по бугрямъ, по балкамъ. Бугры растутъ, каменная подкладка лѣса все болѣе выступаетъ наружу и, наконецъ, цѣлой огромной гранитной стѣной становится передъ человѣкомъ. Оголенный, обмытый дождями голый камень едва удерживаетъ на себѣ убогую травку вдоль глубокихъ трещинъ. Когда-то росшіе на самомъ гребнѣ этой скалы деревья посохли,—и такія же голыя, какъ и ихъ пьедесталъ, съ облетѣвшей корой и полуобломанными вѣтромъ вѣтвями, стоятъ еще, дожидая бури, чтобы рухнуть съ громомъ внизъ, сломать при паденьи еще живущаго кой-какъ сосѣда, и вмѣстѣ съ нимъ завалить ближайшее чистое мѣсто, вмѣстѣ съ нимъ заглушить молодые побѣги, вмѣстѣ долго, неподвижно гнить и обростать мхомъ, когда наполовину оба вростутъ въ землю. И такъ вездѣ, во всѣ стороны, такова здѣшняя природа. Обыкновенно нашъ финляндскій олонецкій сѣверъ называютъ «гористымъ». Пусть такъ, но только надо помнить, что въ здѣшнихъ горахъ, въ здѣшней го-

ристости нѣтъ ничего похожаго на то, что мы привыкли видѣть у себя и понимать подъ этими словами. Здѣсь не горы, а гряды, бугры, холмы, закидавшіе всю поверхность, избороздившіе всю мѣстность балками, ямами, котловинами и перекатами. Точно всю гранитную кору, одѣвающую здѣсь землю, разомъ встряхнула какая-то сила, паломала, изогнула и взбудоражила мертвую каменную плоскость и оставила въ этомъ безпорядочномъ видѣ торчать, какъ первый разъ поднятое поле въ здѣшнемъ же олонецкомъ лѣсу.

Чтобы хоть сколько нибудь осмотрѣть мѣстность, сообразить, гдѣ мы, гдѣ болѣе рѣдкій лѣсъ и проч., мы полѣзли на одинъ изъ самыхъ высокихъ холмовъ такого рода. Не безъ труда взобрались по камнямъ до самаго верху, къ «робачу»—старой, ободранной, сухой столѣтней соснѣ, и оглянулись. Мы были очень высоко. Ближайшія деревья виднѣ только верхнею частью превышали насъ. Но рядомъ, сейчасъ же дальше за этими деревьями, и кругомъ шелъ все такой же лѣсъ, по такимъ же каменнымъ, но неоголившимся буграмъ и кряжамъ, можетъ быть даже еще болѣе высокимъ, чѣмъ тотъ, на которомъ мы стояли. Сквозь этотъ лѣсъ не сѣлъ проникнуть любопытный глазъ. Ему позволено было видѣть кругомъ однѣ огромныя лѣсныя стѣны, такіе же обмытые гранитные кряжи, съ такими же посохшими и голыми рѣдкими гигантскими соснами. И сколько мы не шли впередъ, сколько разъ не влѣзали на самые высокіе каменные гребни, мы видѣли одно и то же во всѣ стороны: все тотъ же огромный, однообразный лѣсъ, волнами катящійся по каменной холмистой мѣстности. Я повторяюсь, говорю одни и тѣ же слова. Но что же дѣлать, когда кругомъ все такъ безнадежно однообразно.... Однако, препятствія на каждомъ шагу, невозможность пройти десять аршинъ, чтобы не перелѣзать, не нагибаться, не спрыгивать, не вадѣвать и дѣлать обходовъ, начинали сильно утомлять насъ, почти не спавшихъ ночь на Кивачѣ, и намъ, помимо направленія пути, представлялся серьезный вопросъ о самомъ маршѣ.

Замѣтивъ, что рядомъ съ нами давно уже тянулась полуобнаженная гряда гранита, мы взобрались на ея гребень и пошли по ней. Въ одномъ, совершенно неизмѣняемомъ направленіи шла грядка, поднималась, заострялась на вершинѣ, опускалась, прерывалась часто и снова появлялась она, какъ каменной дорогой прорѣзывая лѣсъ. Рядомъ съ ней, казалось, тянулись параллельными рядами другія грядки, менѣе замѣтныя, но сохранявшія все то же направленіе. Мнѣ вспомнилось Кончозеро съ его рядами изъ сотенъ параллельныхъ острововъ. Аналогія была полная, и даже приблизительно (по солнцу) гряды тянулись все въ томъ же направленіи. Такимъ образомъ, у насъ было опредѣленное направле-

ніе, каменный меридіанъ, лѣсной естественный компасъ, и главное — движеніе по гребню, не смотря на эти постоянные спуски и подъемы, камни и ступени, избавляло отъ страшнаго хлама, трещи и зацѣпокъ.

Такой дорогой мы прошли около версты. Какъ вдругъ наша надежда, нашъ компасъ, наша мощеная дорога оборвалась и, спрятавшись подъ слой земли и чащу лѣса, скрылась совершенно.

Опять пошла ужасная война съ завалами, стволами съ сучьями, «пеньемъ» и «корбой» (чащей). Вдругъ мой товарищъ остановился.

— Смотрите-ка сюда: тропка! крикнулъ онъ.

Тропа лежала передъ нами ясная, углубленная, и видимо тянула въ ту же сторону, какъ и наши каменныя гряды. Быть можетъ она и не совсѣмъ вела туда, куда намъ было нужно, но, во всякомъ случаѣ, какъ намъ казалось, въ ту же сторону.

Мы двинулись.

Радость этой встрѣчи съ тропкой усиливалась тѣмъ, что мы уже избавлены отъ путешествія «цѣликомъ», отъ страшнаго, несокрушимаго сухопада. Тропка бѣжала рѣзво. Вышла на луговину, густо заросшею травой, обрадовала этой новостью, но спряталась въ травѣ. Въ концѣ полянки мы снова нашли тропку. Еще прогалина, еще потеря, еще находка. Но чѣмъ дальше подавались мы впередъ, тропа начинала чаще пропадать, стираться. Мы шли инстинктомъ, чувствомъ проходили чистыя мѣста и снова ловили исчезавшій тонкій слѣдъ нашей дорогой дорожки. Насъ слишкомъ долго вела она, чтобы ее оставить, и напрягая все наше вниманіе, мы шли все дальше. Впереди показался свѣтъ. Стало рѣдѣть. Тропка совсѣмъ ушла изъ каменныхъ бугровъ и втягивалась въ низину. Все рѣже, все свѣтлѣе. Лѣсъ кончился. Передъ нами было ровное открытое пространство, все залитое радостнымъ горячимъ солнцемъ....

Мы были въ болотѣ.

Безконечный моховикъ съ рѣдкими небольшими сосенками растянулся передъ нами. Огромныя круглыя кочки заросли на половину брусникой. Глубокая тропа черной полосой врѣзалась между кочками. Это насъ сбило окончательно. Отступиться отъ тропы теперь было совсѣмъ невозможно, и мы вступили въ болото. Высохшій подъ жаркимъ солнцемъ мохъ слегка поскрипывалъ, какъ снѣгъ въ слабый морозъ. Но тамъ, подъ этимъ скрипучимъ мхомъ, глубже, въ самой землѣ, что-то чувствовалось другое, глухо сосущее.

Чѣмъ дальше въ болото, тѣмъ слышнѣе сосаніе мхомъ влаги: тѣмъ чаще тропа разбивается на двѣ, на три. Чѣмъ дальше въ болото, тѣмъ глубже тонетъ во мху нога, тѣмъ больше расплываются тропки, тѣмъ

чаще и выше сосны. Дальше — и выбче, дальше — и сочнѣе, дальше и глуше. Болото растетъ, вытягивается, расширяется. Топь — «здымка» жижѣетъ. Точно идешь по громадному натянутому полотну, опускающемуся въ томъ мѣстѣ, гдѣ ступаетъ нога. Начинаешь прорывать верхній слой спутаннаго мха и спѣшишь забрать налѣво, подальше отъ коренной трясины. Стороной какъ будто суше, здымка тверже, но болото не кончилось, и конца ему нѣтъ. Стороной дерево чаще, дерево выше, но подъ ногами тотъ же мохъ, только въ кочкахъ: густой, мягкій, спутанный и твердый около кочекъ, слабый и топкій между ними. Выберется мѣсто посуше — и путаешься ногами, какъ будто идешь по цѣлой пропасти набросанныхъ подушекъ: глазъ видитъ почву, нога ее не находитъ, тонетъ, проваливается, срывается и вязнетъ. Голень съ каждымъ шагомъ тычется въ кочки. Пойдетъ посырѣе, и внизу, между тѣсными кочками начинаетъ хлюпать въ размолотомъ торфѣ сапогъ; еще неожиданнѣе проваливаешься сквозь рыущійся мохъ, едва удерживаясь, чтобы не распластаться. Спущенныя голенища полны мелкихъ головокъ мха, сѣмянъ какого-то болотнаго кустарника. Жаръ душитъ сверху, ногамъ холодно въ подпочвенной сырости, достать хоть каплю воды негдѣ. Дальше и дальше плетемся мы страшнымъ моховикомъ, и все страшнѣе и глуше становится самъ моховикъ.

Наконецъ, болото выровнялось. Перемѣнъ уже не стало. Ни суше, ни жиже; ни глуше, ни рѣже. Кругомъ во всѣ стороны лежитъ одно болото. Во всѣ стороны такъ же вязко; одинаніе моховые пни. Во всѣ стороны одинакія сосны: одной высоты, одной толщины, одного очертанія. Нѣтъ ничего примѣтнаго, выдающагося. Кажется, васи здѣсь измученный человѣкъ,—и проснувшись, онъ будетъ сбитъ, совершенно безпомощенъ. Иди въ любую сторону. Поворачивай, куда угодно, все будетъ одно и то же, безъ вовца, какъ яблоко для бѣгающаго по немъ насѣкомаго, какъ небо въ осеннюю хмурую ночь, какъ безбрежное море безъ маяковъ, какъ компасъ съ размагниченной стрѣлкой.

Вотъ гдѣ можно ходить и плутать все въ тѣхъ же «трехъ соснахъ».

Есть что-то очень тоскливое, безжалостное, тупо-роковое въ атмосферѣ этого безконечнаго болота. Точно гнилая смерть аассованнаго трясиной. Крикъ, выстрѣлъ — не похожи даже на звуки въ этой гнойной мякоти, въ этомъ однообразномъ киселѣ изъ торфа и мха. И здѣсь, въ этомъ «затресьи», нѣтъ никакихъ звуковъ, нѣтъ никакихъ живыхъ существъ, кромѣ міріадъ мельчайшихъ мошекъ, охватывающихъ человѣка съ тѣмъ же страшнымъ упорствомъ, какъ и сама мѣстность. Нельзя остановиться на полминуты, чтобы не лишиться возможности дышать.

Это нескончаемое множество мошекъ — незамѣтныхъ, ничтожныхъ, однообразныхъ, кажется не слышно засасываетъ человѣка, попавшаго сюда, вызываетъ безсильную, невыносимую досаду на невозможность сладить, отогнать, укрыться, отмахаться отъ ничтожнѣйшихъ существъ. Лежитъ безмолвно кругомъ болото, лежитъ неподвижное, ровное, мягкое, и все-таки замучиваетъ, не торопясь, по каплямъ, полувершками. Роятся милліарды мошекъ, безвучныхъ, слабыхъ, невидныхъ, и все-таки ѣдятъ и душатъ, залѣпляютъ и замучиваютъ, такъ же медленно, каплями, по секундамъ.... Проклятое мѣсто!...

Единственно, съ чѣмъ я могу сравнить,—какъ шагъ за шагомъ измучивается, теряетъ силы, изнемогаетъ и мечется въ послѣднихъ нервныхъ усиліяхъ попавшій въ эту ужасную и безмолвную тонь человѣкъ,—такъ это съ плутаніемъ по степи во время страшной зимней метели. Мнѣ приходилось на своемъ вѣку исхаживать очень немало, ломать концы огромной величины, словомъ, ходьбы и ходьбы разной, недорожной я видалъ вволю. Но такъ ужѣсно, такъ тяжело измучиваться, какъ тогда въ моховикѣ, мнѣ очень рѣдко доставалось.

Мнѣ не зачѣмъ разсказывать, какъ бились мы среди болота, какъ шли и шли, версту за верстой, не видя конца трясинѣ, какъ подъ гнилыми корнями, въ глубокихъ ямахъ мы черпали вонючую и тинистую воду, чтобы хоть сколько нибудь промочить горло. Скажу одно, что, круто повернувъ на лѣво, мы, наконецъ, вылѣзли изъ болота и попали снова въ такой же лѣсъ, какъ раньше, съ камнями, съ трещей, съ колодами и ямами и съ прежнимъ «бездорожьемъ». Но лѣсъ теперь, когда всю силу мы оставили въ болотѣ, былъ еще страшнѣе.

Впрочемъ, намъ видимо везло съ поворотомъ на лѣво: черезъ четыре часа мы выбрались на тропку—но настоящую, живую бойкую тропу, приведшую къ дорожкѣ, а та — къ живымъ людямъ, работавшимъ надъ новью...

По разспросамъ, мы оказались за 9—10 верстъ отъ Кивача и ровно на такомъ же разстояніи отъ верхняго Кончозера, т. е. отъ нашей лодки.

Нечего говорить, что мы немедленно отправились дорогой къ Викшицѣ, откуда, послѣ молока и чаю, двинулись обратно съ подошедшей молодой компаніей съ Кивача.

Итакъ, мы повидали кусочикъ тѣхъ великихъ лѣсовъ, которые одѣваютъ $^4/_5$ всей олонецкой суши; лѣсовъ на пространствѣ безъ малаго 2,000 кв. миль; лѣсовъ, среди которыхъ раскинуто больше 2,000 озеръ, площадью въ 360 кв. миль; лѣсовъ, въ которыхъ нашлось только

*

340,000 десятинъ «удобной для земледѣлества» земли (1). Какъ хотите, а цифры эти слишкомъ интересны. Изъ 12.114,501 дес. общей площади губерніи—11.505,374 дес. лѣса. Почти все это лѣсное богатство принадлежитъ государству (10½ мил. дес.). Но какъ усмотрѣть за этимъ «богатствомъ», когда лѣсничество (какъ Повѣнецкое 2-е) равно почти двумъ милліонамъ десятинъ, когда «объѣздъ»—въ 1½ мил. дес. и «обходъ»—въ 350,000 дес.; т. е., выражая обходъ въ формѣ квадрата, сторона его будетъ равна 19 верстамъ, а кругомъ 76 верстъ—извольте «обойти» такой кусочикъ! И въ томъ же Повѣнецкомъ 2-мъ лѣсничествѣ всѣхъ сторожей, полѣсовщиковъ и лѣсныхъ старостъ 90 человѣкъ, т. е. на одного—если бы они могли караулить всѣ разомъ, не перемѣняясь—приходилось бы по 23 квадр. версты лѣса, и лѣса не простаго, а олонецкаго лѣса... Доходы отъ десятимилліоннаго богатства доходятъ только до 300 съ небольшимъ тысячъ рублей, что, по разсчету десятинъ, составитъ 3,4 коп. въ годъ съ каждой десятины. Что касается убытковъ отъ одного пожаровъ, то они равняются 1,6 всего дохода (2).

«Дистанціи огромнаго размѣра...»

VII.

Новая охота.—Заводскія плотины и Машозеро. — Сельская роскошь по части церквей.—Начало охоты и пропавшая «одна» тропа.—Новыя тропы, новыя озера.—Которое изъ пяти Шапшозеро? Трапёры-самодѣлки.—Рѣшеніе идти на тридцать верстъ.—Дремучій лѣсъ и крутой поворотъ. Спасены!—Пропавшій охотничекъ и воспоминаніе о лѣсномъ завтракѣ. Еловыя шишки.—Лѣсной сонъ.—Лѣсные пожары.—Что такое олонецкія богатства?—Прощаніе съ краемъ и отъѣздъ.—Пушка, свирскіе пороги и качка на Ладожскомъ озерѣ.

Неудачи, связанныя съ первой попыткой проникнуть въ глубь лѣсовъ, конечно, ни мало не укротили нашихъ охотничьихъ стремленій, и мы вскорѣ устроили уже другую охоту. Извѣдавъ на опытѣ, что значитъ путешествіе въ вдѣшнихъ незнакомыхъ мѣстахъ въ одиночку, мы заручились спутникомъ изъ мѣстныхъ горожанъ, хвалившимся, что знаетъ отлично мѣста, и двинулись вчетверомъ, на телѣжкѣ, къ знаменитому, по разсказамъ, *Машозеру, лежащему отъ* Петрозаводска верстъ за двадцать слишкомъ. Поздній выѣздъ, отчаянная дорога и забредшая въ лѣсъ вторая лошадь нашего извощика сдѣлали то, что только часа въ два ночи мы добрались до села, вытянутаго вдоль берега Машозера.

Озеро это, вмѣстѣ съ другимъ—Лососинскимъ, имѣетъ очень важ-

(1) Свѣдѣнія 1868 года.

(2) 198,481 руб. изъ 325,159 р. дохода.

ное значеніе для Александровскаго завода, такъ какъ воды бѣгущихъ изъ нихъ двухъ рѣчекъ и составляютъ, по соединеніи, р. Лососинку, работающую въ заводскихъ колесахъ и турбинахъ. Поэтому на обоихъ озерахъ устроены плотины, обезпечивающія правильное снабженіе водой завода. Машозеро невелико, кругомъ заросло лѣсомъ, и только тамъ, гдѣ стоитъ село, очищена небольшая полоска земли подъ огороды и пашни. Сельская церковь стоитъ на островѣ, лежащемъ саженъ за сто отъ берега. Это любимое мѣсто сбирающихся сюда по праздникамъ жителей. На островѣ богатая трава, высокія и курчавыя березы даютъ прекрасную тѣнь, и народъ сдѣлалъ изъ этого мѣста родъ парка. Въ праздникъ всѣ берега уставлены лодками, весь островъ усыпанъ народомъ. Церковь древняя, помнящая Петра Великаго, деревянная, очень оригинальной архитектуры. Но сырая почва и время сдѣлали свое дѣло: церковь очень вѣтха и глубоко осѣла въ землю.

Напившись чаю у знакомаго нашему «водану» крестьянина и разспросивъ про мѣста и дичь, мы поѣхали въ лодкѣ на ту сторону озера.

Утро было тихое, въ спокойномъ Машозерѣ красиво рисовался островъ съ церковью, и мы невольно залюбовались на этотъ уголокъ.

— А, стало быть, церковь-то очень ужъ вѣтха, что новую строите? спросилъ я перевозившаго насъ хозяина, взглянувъ на оконченную уже стройкой деревянную же церковь на берегу озера, въ началѣ села.—Эту закрыть, значитъ, хотятъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ закрывать: у насъ теперь двѣ церкви будетъ, отвѣтилъ онъ.

— На что же вамъ двѣ церкви? село у васъ небольшое, развѣ что наѣзжихъ много...

— Много съѣзжается, отвѣтилъ онъ не вдругъ. — Теперь у насъ эта—что на острову—лѣтняя будетъ, а другая для зимняго времени. Зимой-то очень священникъ обижается, что ходить ему далеко; ну, а тутъ ему поближе будетъ—вонъ этотъ домъ-отъ, что вовлѣ стоитъ—его. Да и народу-то охотнѣе поближе, а то въ зимнее время мало кто на островъ ходитъ. Ну, а объ лѣтню пору, такъ ужъ завсегда на острову служатъ, потому всѣ на островѣ лѣтомъ привыкли, любятъ туда ѣздить...

Лодка врѣзалась въ густую осоку, широкой полосой закрывшую подъѣздъ къ берегу, такъ что привелось толкаться веслами.

— Вотъ такъ все и иди—этой тропой, сталъ повторять свои наставленія хозяинъ нашему путеводителю:—такъ и дойдешь до Шапшозера. Тропа одна, другихъ тутъ нѣту, крикнулъ онъ, отъѣзжая.

Мы вошли въ лѣсъ. Было четыре часа утра—самое время для охоты

на тетеревиные выводки. Лѣсъ сразу, отъ самаго берега, пошелъ уже хорошо знакомый намъ: чаща, «ломъ» и мохъ. Но черезъ полверсты, не больше, онъ измѣнился. Начались большіе бугры съ мелкимъ и рѣдкимъ лѣскомъ по обѣ стороны тропки. Мѣста очень выгодныя для стрѣльбы, а судя по большимъ ягодникамъ, обѣщавшія и дичь.

Пущенная собака сразу пошла принюхиваться. А черезъ пять минутъ, впереди, одинъ изъ нашихъ уже сдѣлалъ выстрѣлъ по случайно поднявшейся тетеркѣ съ молодыми. Начались розыски. Подняли молодика и двинулись въ сторону, куда ушелъ весь выводокъ. Все шло, какъ по писанному: и утро было хорошее, и мѣста самыя тетеревиныя, и выводокъ встрѣтили. Я съ Акимычемъ, какъ уже болѣе сладившіеся на нѣсколькихъ охотничьихъ путешествіяхъ, двинулись рядомъ по бугрямъ. Собака шла заманчиво, мѣсто для ходьбы легкое, открытое. Но вскорѣ мы, оглянувшись, увидали себя одними. Крикнули—отвѣта нѣтъ. Словомъ, вернувшись назадъ, мы долго искали тропку, наконецъ, нашли и двинулись. Тропа привела къ озерочку, затѣмъ къ рѣчкѣ, которая бѣжала въ озеро, все сплошь почти заросшее кустами и осокой, и съ множествомъ островковъ и заливовъ. По всѣмъ примѣтамъ это было Шапшозеро.

Не стану, впрочемъ, утомлять мелочами разсказа. Достаточно сказать, что на озерѣ мы не нашли своихъ спутниковъ. Сдѣлали три-четыре выстрѣла, при началѣ входа въ озеро, по бекасамъ и, не получивъ снова отвѣта, мы рѣшили вернуться назадъ на Машозеро, въ плотинѣ, какъ уговаривались раньше. При началѣ тропы мы воткнули колъ и повѣсили записку, написанную углемъ. Версты черезъ двѣ слишкомъ хода по тропкѣ, часто становившейся неуловимой, мы увидѣли открытое мѣсто—озеро. Но каково же было наше удивленіе, когда озеро это оказалось совсѣмъ намъ незнакомымъ. На берегу стоялъ пустой курень, у пристани лодка и въ ней удилище. Осмотрѣвъ всѣ мелочи и убѣдившись, что тутъ давно уже не было человѣческаго присутствія, мы пошли по тропѣ вдоль берега озера. Черезъ версту опять озеро, и опять незнакомое, мелкое, съ двумя маленькими плотами вмѣсто лодокъ. Рядомъ пустой курень. За нимъ видно новое озеро, за болотомъ. Пошли и на него, отыскали вѣтхую лодку, проѣхали до средины, чтобы осмотрѣть окрестности, и рѣшили, что ничего мы тутъ не понимаемъ.

Оказалось одно: въ этой мѣстности была не «одна» тропа. Надо было искать ту, по которой мы шли съ Машозера. Пошли искать. Долго ходили по бугрямъ, останавливались передъ болотами, наткнулись еще на какое-то озеро.

— А! наконецъ-то! услыхалъ я голосъ товарища, шедшаго впереди.

Онъ стоялъ на тропкѣ—коренной, отлично убитой тропкѣ. Не было сомнѣнія, что это была «она». Выкуривъ на ней папиросу торжества, мы безъ всякаго колебанія двинулись впередъ.

Однако, намъ все-таки надо было убѣжденіе, что по этой именно тропкѣ прошли наши товарищи. Не хуже какихъ нибудь бразильскихъ трапёровъ вглядывались мы въ тропку, въ едва замѣтные слѣды чьихъ-то ногъ, въ клочекъ печатной бумажки, валявшійся въ сторонѣ около пня. Хотя у насъ и былъ примѣръ, что тропка не одна, а нашлась и другая, но слѣды каблуковъ заставляли насъ двигаться дальше и дальше. Главное наше несчастье состояло въ томъ, что мы рѣшительно не могли оріентироваться: не зная съ самаго начала, въ какомъ направленіи должна была идти тропа къ Шапшозеру, мы сбились совершенно и не имѣли буквально никакого базиса для какихъ либо разсчетовъ. Было уже больше полудня, тогда какъ мы вышли въ четыре часа утра. Промежутокъ очень нарядный, чтобы совсѣмъ отказаться понимать, какъ мы шли раньше, гдѣ отдыхали и въ какой сторонѣ должно быть наше знакомое озеро. Наконецъ, первый опытъ съ путешествіями безъ дорогъ около Кивача былъ хорошо намъ памятенъ, и рискнуть идти напрямки, т. е. бросить тропку, мы не рѣшались.

Мы шли молча, другъ за другомъ, не спуская глазъ съ тропы, которая то и дѣло пересѣкалась камнями, упавшими деревьями, или, проходя топью, превращалась въ рядъ тонкихъ лежней, брошенныхъ въ болото.

— Эге! да мы еще верстъ 20 пройти сможемъ, сострилъ Акимычъ по поводу того, что ни одинъ изъ насъ не сорвался съ лежней при переходѣ черезъ длинное моховое болото.

Дѣйствительно, мы могли пройти, да и прошли затѣмъ значительно больше 20 верстъ. Но надо было вырѣшить, куда идти. Моховикъ кончился, начался сплошной лѣсъ. Тропа была ясная, глубокая, но чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе покинутая. Слѣды стали видны только въ топкихъ мѣстахъ, и то слѣды давнишніе: сапогъ и подкованное копыто. Сомнѣваться въ томъ, что это не та тропа, было невозможно.

— Что-жъ, Акимычъ, какъ станемъ дѣлать? Тропа не та, да все же тропа, и тропа видная. Идти по ней что ли? Куда нибудь да придемъ же?

Акимычъ согласился, и мы рѣшили идти хоть тридцать верстъ—все же лучше куда нибудь, чѣмъ никуда.

Мы шли бойко, не останавливаясь. Тропа вилась и не кончалась, хотя и становилось все глуше и глуше. Трудно было сообразить въ этомъ непроглядномъ лѣсу, въ мѣстности совершенно незнакомой, куда

мы шли. Чувствовалось только, что, за всѣми поворотами и отклоненіями, тропа подается какъ будто влѣво. Но мы шли и шли за ней, какъ за тѣмъ клубочкомъ, за которымъ ходятъ царевичи и царевны по дремучимъ лѣсамъ въ страшныхъ сказкахъ. Безконечный клубочикъ катился, извиваясь по лѣсу, спускаясь пониже и входя въ топи. Обдавало сыростью, и мы оглядывались. Кругомъ лѣсъ, частый, однообразный, сѣрый, весь заваленный «ломомъ». Подъ ногами сырая топь; слышно, какъ мохъ сосетъ воду, когда ступаетъ нога. Хруститъ и ломается упавшій и погнившій лѣсъ. На всемъ лежитъ покровъ изъ моха, словно прошелъ зеленый пухлый снѣгъ и все замелъ густымъ, ровнымъ, неподвижнымъ слоемъ. Выбѣгалъ клубочикъ изъ низины. Подъ ногами начинали попадаться большіе камни. Мохъ не лежалъ уже ровнымъ покровомъ, а обросталъ только такія кочки и гнилые пни, въ которыхъ дольше сохранялась влага.

Не измѣняя шагу и все рѣже и рѣже перебрасываясь словами, отшагивали мы уже около часу начало тѣхъ тридцати верстъ, въ концѣ которыхъ должна была быть какая ни на есть деревня (мы и не подозрѣвали даже тогда, что можно было идти не только тридцать, но двѣсти верстъ, и все-таки не дойти ни до какой деревушки).

Вдругъ, почти разомъ мы остановились и подняли головы. Передъ нами и кругомъ насъ стоялъ дремучій темный лѣсъ, та глушь, «куда и черный воронъ костей не заноситъ». Вокругъ насъ былъ коренной олонецкій лѣсъ, кусочикъ тѣхъ лѣсовъ, которые пошли на сотни верстъ по сѣверу Олонецкой губерніи и дальше переходятъ въ великіе архангельскіе лѣса. Сосна, старая, вѣковая, съ клочками висячаго моха на сучьяхъ, стоитъ кругомъ, заслонивъ верхушками солнце, стоитъ безмолвная, суровая. Въ ногахъ валяется все то, что сокрушили бури, гниль и старость. Ломъ безъ конца, гигантскій, непробойный ломъ. Въ промежуткахъ торчитъ камень, рѣдкій жалкій кустикъ низенькаго кустарника, мохъ свѣжій и влажный, мохъ сухой и желтый.

Сосна на корню, непроходимый самопадъ, камень и мохъ. Полусвѣтъ. Ни одного звука. Ни птичка не чирикнетъ, не вскрикнетъ ястребъ, не протопочетъ заяцъ, не стрекотнетъ кузнечикъ, не прожужжитъ шмель... Глушь коренная, глушь самая барсучья. Это тѣ лѣса дремучіе, непроходимые, куда укрылись «бѣгуны» и «христолюбцы», куда лишь изрѣдка заходитъ корелякъ-охотникъ, и гдѣ самъ медвѣдь не ходитъ прямикомъ, а держится тропы. Даже какъ-то жутко стало отъ этой глуши, этой мертвой тишины, этого полусвѣта...

— Стой, Акимычъ. Ладно, какъ тропа-то насъ въ раскольничій

свитъ приведетъ, а что какъ по-тогдашнему—въ болото, а гдѣ выхода искать—Господь знаетъ?

— Да, мѣста не тѣмъ пахнутъ. Надо назадъ идти, согласился Акимычъ.

Мы повернули назадъ и остановились только тогда, когда были снова у знакомаго уже намъ куреня. Опять гадать, опять мудрить...

«А какъ же-съ, вспоминались мнѣ слова одного знакомаго вояки: пошелъ безъ компаса — вотъ тебѣ и подъ судъ...» Да, пошелъ безъ компаса... И теперь еще, идя по Невскому и взглядывая въ окна магазиновъ, не могу пройти спокойно мимо оптика, чтобы не задержаться передъ дорожными компасами и не перенестись въ ту глушь, гдѣ намъ съ Акимычемъ приходилось гадать: гдѣ мы и куда идти? Единственно, что можно было вывести, припомнивъ всѣ подробности движенія съ утра и сообразивъ мѣсто солнца, что мы должны держаться въ сторону востока. Пошли, напали случаемъ на неясную тропочку, придержались правой руки и двинулись по новой тропѣ. Шли мы долго, шли разнымъ лѣсомъ, спустились внизъ, поднялись въ гору, въ веселую березовую чащу, съ травой, цвѣтами, солнцемъ, пташкой, ягодой и даже съ выводкомъ тетерокъ; вышли на порубь, приготовленную подъ пашню, но еще не выжженую, почуялась рука человѣка, близость жилья. Передъ нами впереди было озеро, на немъ церковь; несомнѣнно это Машозеро.

Я взглянулъ на часы. Было четыре часа по полудни. Итакъ, двѣнадцать часовъ блужданія.

Но чтобы попасть въ деревню, надо было сдѣлать огромный обходъ по берегу озера и въ теченіе около трехъ часовъ шагать прямикомъ по лѣсу, заваленному пенъемъ и ломомъ, и много разъ вязнуть въ моховыхъ болотахъ, забравшихъ сплошь обширные подходы къ заливамъ озера. Только черезъ пятнадцать часовъ, послѣ безсонной ночи, послѣ полусуточной ходьбы безъ пищи, наиъ привелось взяться за ложки, чтобы съ волчьей жадностью наброситься на молоко и хлѣбъ.

— Тутъ у насъ мѣста очень глухія, спокойнымъ тономъ повѣствуетъ мѣстный рыбакъ, нисколько не удивляясь, что мы заплутались. Вотъ не больно давно тутъ же свой заплутался, здѣшній мужикъ, охотникъ. Пошелъ онъ за рябцомъ, не больно же далеко, всего съ собой и хлѣба-то взялъ только дня на два. Пошелъ — да пропалъ. Двѣ недѣли ни слуху, ни духу объ немъ не было. Да мужики косить поѣхали, слышатъ палитъ кто-то, да такъ часто, бѣда. То и дѣло: бацъ да бацъ. Что, молъ, такое значитъ? Пошли мужики въ то мѣсто, глядь — нашъ охотникъ: сидитъ у озера, заряжаетъ, да палитъ. Къ нему подошли, а онъ ужъ и говорить-то хорошенько не можетъ. Остомѣлъ совсѣмъ. Двѣ

недѣли, шутка ли, ягодой питаться. «Сбился, говоритъ, я и понять не могу: куда идти; вижу, что на одномъ мѣстѣ кружусь, а какъ выбраться, не знаю». Такъ свой мужикъ, охотникъ! А то вонъ этакъ же вотъ, баринъ одинъ на охоту отправился, того на третій день нашли: убился самъ, изъ ружья изъ своего застрѣлился. Ходилъ, ходилъ, видно, плуталъ, плуталъ, а ѣды съ собой никакой не взялъ. И застрѣлился. Такъ тогда его, при слѣдствіи, рѣзали, что-жъ бы ты думалъ? все эти еловы шишки въ немъ, въ нутрѣ у него,—съ голоду, видно, ихъ сталъ ѣсть.

Мнѣ невольно припомнились эксперименты Акимыча надъ «сыроѣшками»—дѣйствительно ли ихъ можно ѣсть сырыми—и какъ послѣ этой «ѣшки» его тошнило съ полдороги. Я напомнилъ ему только одно названіе гриба, и мы оба разсмѣялись, вполнѣ довольные, что миновали чаши съ еловыми шишками.

— Какъ тутъ не заплутаться незнакомому человѣку. Теперь, если съ того, съ мѣста, направо попалъ, то выйти можно; а какъ взялъ если въ лѣвую руку, то и шабашъ: вплоть до самой Архангельской губерніи иди лѣсомъ, верстъ на двѣсти — все лѣсъ одинъ....

— Нѣтъ, теперь у насъ тутъ еще ладно. Недавно землемѣры наѣзжали, просѣку пробили, видно верстъ на сто, сажени въ три ширины. Такъ если на нее попалъ, ужъ не сбиться, прямо по ней иди....

«Что же это такое, эти лѣса, этотъ обширный Олонецкій край?» какъ-то самъ собой ставился вопросъ, когда мы уложились спать на соломѣ въ сѣняхъ у знакомаго рыбака.

И вотъ, передо мной, во всю ширину сонной фантазіи, раскинулась картина.

Огромная волнистая поверхность. Камни, камни и камни. Каждый холмъ, каждый бугоръ изъ камня—вездѣ разсыпаны, вросли и въѣлись они въ землю. И всю эту каменную страну закрылъ собою лѣсъ, одинъ громадный, сплошной лѣсъ. Въ немъ, между буграми, разсыпаны безчисленныя голубыя пятна, большія, маленькія, ничтожныя. Это озера. Между ними незамѣтно вьются рѣчки, ползутъ болота и топи. Какъ рѣдкія надорванныя нити пробираются дороги съ холма на холмъ, отъ гати къ гати, бѣдныя лѣсныя дорожки, одинокія, безъ развѣтвленій, какъ будто имъ совсѣмъ не надо знать, что есть у нихъ по сторонамъ. Вотъ идетъ одна въ сторону. Пошла, уперлась въ топь, въ озерко и стала: теперь она никому не нужна. Станетъ зима, скуетъ всю эту массу воды, засыпетъ, заравняетъ снѣгомъ, тогда по ней поѣдутъ сани за рудой, которую добыли лѣтомъ въ оверахъ и не могли вести, по немимѣнію дорогъ. Идутъ глухіе лѣса далеко во всѣ стороны, и что въ нихъ есть, какъ и куда протянулась эта глушь и дремь, никто не

знаетъ толкомъ. Словно окно въ небо легла и порадовала туземца трехсаженная просѣка: «по крайности на нее попадешь, не собьешься....» Невидная тропка ведетъ черезъ болота и горы, черезъ бугры и трущобы, и гибнетъ въ сердцѣ страшнаго лѣса: по ней бѣжитъ отверженный раскольникъ, подальше отъ преслѣдующихъ его людей; по ней выходитъ изъ лѣсу медвѣдь-хозяинъ въ деревню, въ городъ, не боясь людей, лишь изрѣдка идущихъ ему на встрѣчу съ кремневымъ ружьемъ и надеждой на умѣнье ходить на лыжахъ, которыя должны уносить его въ случаѣ осѣчки.

И стоятъ эти безчисленныя озера, стоятъ эти безконечные лѣса, одинокіе, глухіе. Только на нѣкоторыхъ изъ первыхъ копошатся люди: то или рѣдкіе рыбаки, или поденьщики, добывающіе изъ воды руду и обжигающіе ее тутъ же для казенныхъ заводовъ. Только и видитъ лѣсъ, какъ налетаетъ на него топоръ, и рубитъ, рубитъ зря, безъ толку. Проносится буря, рветъ съ корнемъ деревья и рушитъ ихъ одно на другое, глушитъ и безъ того непроходныя дебри. Но вотъ въ одномъ мѣстѣ вдругъ почернѣлъ кусочекъ сухого мха. Рядомъ такая же желтая полянка стала черной; отъ нея во всѣ стороны потянулись кривульки между кочками, какъ дорожки разлитыхъ чернилъ. Слышенъ легкій трескъ. Опять чернѣетъ мохъ, трескъ громче, шибче, и лѣсной пожаръ бѣжитъ все дальше, какъ по нитямъ стопина, пробираясь по болоту за всѣми изгибами сухого мха, валежника, гнилья, упавшихъ листьевъ и хвои и, наконецъ, добравшись до вполнѣ сухого матеріала, вспыхиваетъ разомъ, какъ огромный костеръ, захватывая уже цѣлыя деревья. Огонь бѣжитъ по смоляной корѣ, по вѣткамъ, прыгаетъ по хвоѣ, и тѣмъ дальше, тѣмъ все страшнѣе, все ужаснѣе. Огромныя облака густаго дыма стелются надъ лѣсомъ. «Лѣсъ горитъ», спокойно произноситъ туземный житель, на вопросъ, что это такое. И лѣсъ горитъ. Горитъ не въ одномъ мѣстѣ, а во многихъ, горитъ сотнями и тысячами десятинъ, горитъ почти каждый день, горитъ по недѣлямъ, пока собьютъ изъ дальнихъ и бѣдныхъ окрестныхъ деревень разбредшійся народъ.... (1)

Гибнетъ лѣсъ, но его не жалко, даже жалѣть некому. А между тѣмъ, весь этотъ край только и имѣетъ покуда единственную цѣнность—свои лѣса. Снимите лѣсъ, за нимъ посохнутъ всѣ озера и рѣчки, и останется голую каменную землю. Съ этой земли бѣжитъ и тотъ рѣдкій крестьянинъ, который теперь царапаетъ кое-какъ закиданную камнемъ и пнями пашню среди лѣса; который ѣдетъ вокругъ деревьевъ и по берегамъ озеръ косить траву; который запасаетъ себѣ на зиму сушеной

(1) Мѣсяца полтора, два назадъ (какъ сообщали газеты) лѣсной пожаръ получилъ такіе размѣры, что серьезно опасались за самый Петрозаводскъ.

рыбы изъ озеръ; приноситъ изъ лѣсу сотнями и тысячами рябка, тетерьку, куропатку, бѣлку; бьетъ и ловитъ лису, барсука, медвѣдя и оленя; который лавитъ по озерамъ за рудой, благодаря тому, что и обжигъ и выплавка ея идетъ на дешевомъ древесномъ топливѣ....

Есть много обѣщающія заявленія о горныхъ богатствахъ края. И уголь, и руды, и каменныя ломки, и даже золотыя розсыпи. Насколько серьезны и надежны эти открытія — пока судить трудно. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ край долженъ быть богатъ горными продуктами. Но въ этомъ смыслѣ его значеніе—дѣло будущаго. Вести изслѣдованія и горныя развѣдки въ такомъ краѣ, гдѣ нѣтъ дорогъ, гдѣ мѣстности не знаетъ даже туземный охотникъ, гдѣ на одного жителя приходится половина квадратной версты глухаго лѣса, непроходной топи и перепутанныхъ камней и скалъ, стоитъ громадныхъ усилій, на которыя подъ имется не всякій. То же, что есть подъ руками, что дается при небольшихъ затратахъ—пока слишкомъ не богато и обезпечено неистощимыми лѣсными дачами. И для настоящаго момента все-таки весь край, вся его сила и роль, все его богатство и значеніе въ лѣсахъ. Лѣсами держится онъ, и все, что будетъ сдѣлано для улучшенія его лѣснаго хозяйства, послужитъ къ поднятію его благосостоянія, развитію его культуры и колонизаціи.

Нѣсколько дней спустя, мы уже прощались съ Петрозаводскомъ. По обыкновенію, пристань была полна народомъ и преимущественно прекраснымъ поломъ оставляемаго нами города. По правдѣ сказать, мнѣ какъ-то жаль было уѣзжать отсюда. Мои скитанія по дебрямъ и озерамъ этого оригинальнаго глухаго края до нѣкоторой степени сблизили меня съ нимъ. Хотѣлось бы подольше пожить въ этихъ трещахъ, поглубже всосаться въ мѣстную жизнь, потаскаться вмѣстѣ съ туземцемъ всадѣ, гдѣ ему приходится бродить, переходя отъ лѣсной несчастной пашни къ раскиданнымъ клочкамъ лѣсныхъ покосовъ, отъ житья на озерахъ рыбацкаго промысла къ выслѣживанью и подманиванію дичи.... Здѣшній край именно имѣетъ это свойство: не показывать себя сразу, загородившись отъ зрителей своими непроницаемыми лѣсами.

Шатаясь отъ нечего дѣлать до послѣдняго свистка парохода по пристани, я остановился около двухъ солдатъ, бывшихъ въ числѣ публики.

— Ну, что же, земляки, какъ про войну слыхать? спросилъ я одного изъ нихъ, надѣясь встрѣтить такихъ же политиковъ, какъ и раньше.

— Ничего не слыхать что-то, нехотя отвѣтилъ онъ мнѣ.

— Не собираетесь стало быть воевать-то? полушутя продолжалъ я.

— Намъ тутъ воевать не съ кѣмъ. Къ намъ придти не кому, у

насъ лѣса не допустятъ. Зачѣмъ *онъ* къ намъ пойдетъ? *Ему* черезъ эти лѣса не пробраться.

— Да, крѣпость у васъ хорошая.... Такъ про войну у васъ совсѣмъ не слышно стало быть....

Впереди насъ, на берегу озера вдругъ выросъ большой бѣлый шаръ дыма. Черезъ нѣсколько секундъ долетѣлъ звукъ, похожій на пушечный выстрѣлъ. По гладкой водной поверхности запрыгало ядро, все дальше и чаще ударяя въ озерное зеркало.

— А это что такое?

— Пушки пробуютъ, отвѣтилъ мнѣ.

Пароходъ засвистѣлъ послѣдній разъ, и черезъ полчаса мы прошли мимо бруствера и караульни, устроенныхъ на берегу озера, гдѣ производили пробу орудій, приготовленныхъ на Александровскомъ заводѣ. Вслѣдъ за нашимъ проходомъ новый выстрѣлъ прогремѣлъ надъ озеромъ, какъ бы провожая увозившій насъ пароходъ.

Мнѣ вспомнились при этомъ результаты испытаній чугунныхъ орудій. Давно ли, даже при одномъ словѣ «чугунная пушка» являлась странная улыбка у большинства и ожидалось услышать анекдотъ. И въ самомъ дѣлѣ: десять лѣтъ тому назадъ лучшіе и опытные мастера, отливъ пушку, не могли поручиться даже за первые пробные выстрѣлы, что ее не разорветъ. Теперь не то: съ тѣхъ поръ, какъ пушки льются не сплошной болванкой, а съ каналомъ (и, главное, съ охлажденіемъ внутри и съ подогрѣвомъ снаружи), чугунныя пушки являются уже не шуточными орудіями для артилеріи. Опыты показали, что такія пушки могутъ выдерживать болѣе 1,600 выстрѣловъ. Стало быть, при случаѣ, послужить могутъ, и пробовать такія пушки стоитъ.

И вглядываясь въ прыгающее по озеру ядро, мнѣ вдругъ вспомнилась минувшая война. Тогда на Александровскомъ заводѣ кипѣла лихорадочная дѣятельность. Онъ былъ одинъ изъ всѣхъ заводовъ, исполнявшихъ казенные заказы на пушки и снаряды по дешевымъ цѣнамъ, и исполнялъ при томъ заказы, увеличенные почти втрое, противъ разсчетовъ завода. Такъ, напримѣръ, съ 60,000 пудовъ въ орудіяхъ и 100,000 пудовъ въ снарядахъ онъ могъ возвысить производство до 100,000 пудовъ слишкомъ въ орудіяхъ и до 300,000 пудовъ въ снарядахъ. И дѣлалъ все это, получая 1 руб. 15 коп. за пудъ вѣса, когда частные заводы брали съ казны тогда же 3 руб. 50 коп. съ пуда. Такой примѣръ слишкомъ нагляденъ для того, чтобы надѣяться на Александровскій заводъ: если до него война и не дойдетъ, какъ философствовалъ солдатъ, то онъ самъ можетъ послужить войнѣ не шуточной

услугой—въ видѣ прекрасныхъ скорострѣльныхъ пушекъ и коническихъ снарядовъ....

Обратный путь до Петербурга равнялся только полутора суткамъ, а не двумъ, какъ впередъ, что зависитъ отъ того, что въ Вознесеньи (1) уже не приходится стоять цѣлую ночь, а только часъ или полтора. Хотя и слѣдовало бы ожидать, что путь изъ Петрозаводска будетъ значительно сокращенъ, главнымъ образомъ потому, что по быстрой Свири приходится ѣхать внизъ по теченію, но этотъ разсчетъ неправиленъ. Движеніе по Свири почти одинаково въ оба конца: рѣка эта на столько вертлява, и во многихъ мѣстахъ, на порогахъ, русло ея, по которому долженъ идти пароходъ, такъ узко, что идти быстро невозможно. Какъ при движеніи вверхъ пароходъ подается туго, идя полнымъ ходомъ, такъ внизъ ему приходится двигаться самымъ тихимъ ходомъ, чтобы можно было безопасно слѣдить за прихотливыми изгибами рѣчнаго русла. Есть мѣста, гдѣ можетъ пройти только одинъ пароходъ, и такія мѣста встрѣчаются на самыхъ крутыхъ поворотахъ. Бо́льшую часть хода по Свири на пароходѣ постоянно мѣняются пріѣзжающіе изъ прибрежныхъ деревень лоцмана.

Съ выходомъ къ вечеру въ Ладожское озеро встрѣчный вѣтеръ сталъ сильно крѣпчать, и съ закатомъ солнца, тихо, какъ раскаленный шаръ, потонувшаго въ озерѣ, закатилось и спокойствіе пасажировъ: пароходъ перемѣнилъ курсъ, вѣтеръ ударилъ съ боку и поднялась качка, кончившаяся для большинства ѣхавшихъ—и въ особенности для дамъ—знакомствомъ съ морской болѣзнью. Я, благодаря тому, что съ самаго начала качки улегся спокойно на рубкѣ, отдѣлался только легкой тошнотой и съ середины ночи уже крѣпко спалъ, когда всѣ ругались и жаловались на качку.

Раннимъ утромъ мы завидѣли Шлисъ.

Прощайте, сѣверные края, обернулся я назадъ: хотя вы и сурово приняли меня въ своихъ лѣсныхъ гостиныхъ, но я еще разъ побываю у васъ въ гостяхъ, непремѣнно побываю....

Д. Л.

(1) Въ предъидущей статьѣ этихъ замѣтокъ вкралась ошибка: Село Вознесенье показано стоящимъ на лѣвой сторонѣ Свири, а не на правой, стр. 262.